

съ меня, такъ какъ я нашелъ безжалостную и лишаящую грѣшниковъ и слабыхъ упованія епитимию»

ношеніи, чѣмъ если бы я оказался и безжалостнымъ, и обезнадеживающимъ грѣшниковъ и слабыхъ.

20) стр. 74, 3—6:

და დაჯდეს მადლუარი იგი და მწნედი იგი შემსცავსებულად სხვა-
მის თჳსის (sic) გის თუ ქუე დასუსტ გის თუ ზე დაუს.

г. Х. переводить:

грузинскій же текстъ гласить:

«И сядетъ духовникъ, а кающа-
гося по мѣрѣ его (согрѣшенія) или
сажаетъ пониже, или онъ ставитъ»

духовникъ пусть сядетъ, а каю-
щагося соотвѣтственно его достоин-
ству или посадитъ онъ внизъ, или
тотъ будетъ стоять на ногахъ.

Больше мнѣ не о чемъ говорить касательно работы г. Хаханова. Развѣ прибавить, что, судя по предисловію за общею подписью самихъ издателей «Н. Заозерскій. А. Хахановъ», настоящий трудъ имѣетъ претензію дать, по выраженію, цитованному изъ курса Павлова, клочекъ обширнаго и малоработаннаго поля, научно и добросовѣстно обработанный. Да, вотъ еще г. Гидуляновъ въ *Этнографическомъ Обзорѣ* (1903, II, 153) переводъ г. Х.—ва называетъ прекраснымъ и опубликованіе его — «великой услугою отечественной наукѣ» со стороны Общества исторіи и древностей. Какое странное понятіе о «научной и добросовѣстной» работѣ! Какое великодушіе у гг. критиковъ современныхъ научныхъ изданій при титулованіи переводовъ прекрасными! И какъ, повидимому, даже въ наше время легко оказать «великую услугу отечественной наукѣ»!

Н. Марр.

Pierre Grenier, *L'empire byzantin, son évolution sociale et politique.*

Tome I: L'être social. Tome II: L'être politique (XXXII + 340 + 291). Paris 1904.

Авторъ приведеннаго въ заголовкѣ сочиненія говоритъ языкомъ не совсѣмъ обычнымъ во французской литературѣ и въ особенности избѣгаемымъ французскою юриспруденціей, которая всегда держалась вдалекѣ отъ круга понятій и отъ терминологіи такъ называемыхъ германистовъ. Г. Пьеру Гренье человѣчество представляется совокупностію политическихъ организмовъ, или «существъ», какъ онъ выражается, изъ которыхъ каждый обнимаетъ собою одинъ или нѣсколько социальныхъ организмовъ или существъ, или же часть какого либо социального организма. Поэтому и на византійскую имперію авторъ взглянулъ, во-первыхъ какъ на существо социальное, во-вторыхъ какъ на существо политическое, изображая формацию и эволюцію того и другого. Такъ какъ социальное существо есть нѣчто внутреннее и предшествуетъ политическому, то первый томъ

сочиненія посвященъ эволюціи соціальнаго существа, второй—эволюціи политическаго существа. Порядокъ изложенія перваго тома опредѣлился для автора тѣмъ соображеніемъ, что всякое соціальное существо состоитъ изъ соціальнаго тѣла и изъ соціальной души, такъ что слѣдовательно сначала изображается эволюція соціальнаго тѣла, затѣмъ эволюція соціальной души. Эволюціи соціальнаго тѣла посвящена первая книга перваго тома, содержащая въ себѣ три главы. Въ первыхъ двухъ главахъ говорится о соціальныхъ силахъ имперіи (*les puissances sociales de l'empire*), подъ которыми разумѣются: 1) церковь съ ея іерархическимъ устройствомъ и съ монашествомъ, съ ея имуществомъ и привилегіями, 2) свѣтская аристократія имперіи, 3) куріалы и буржуазія, 4) народъ въ его массѣ, съ тѣми модификаціями, которыя происходили въ его крови; къ этому присоединяется еще нѣсколько страницъ, посвященныхъ эволюціи соціальнаго тѣла византійской Италіи. Въ третьей главѣ изображается экономическая эволюція, иначе эволюція матеріальнаго благосостоянія византійскаго соціальнаго существа (развитіе земледѣлія, промышленности, торговли внутренней и внѣшней). Во второй книгѣ перваго тома, которая посвящена соціальной душѣ, изображается: 1) эволюція религіозная, причемъ разсматривается какъ внѣшняя борьба христіанства съ греческою философіей, съ язычествомъ, съ іудействомъ, такъ и внутренняя съ разными ересями, 2) эволюція моральная, причемъ дѣлается оцѣнка какъ хорошихъ, такъ и дурныхъ сторонъ византійскаго соціальнаго существа. Эволюція религіозная и моральная—это, по словамъ автора,—выраженіе чувствъ соціальной души. Вторая глава посвящена эволюціи искусства, которое есть также выраженіе чувствъ, но вмѣстѣ и выраженіе интеллекта, съ преобладаніемъ, однако, чувства надъ интеллектомъ. Третья глава имѣетъ предметомъ эволюцію литературы, которая есть также выраженіе чувствъ и интеллекта, но съ преобладаніемъ интеллекта надъ чувствомъ. Въ виду того, что одно соціальное существо входитъ въ соприкосновеніе съ другими соціальными существами, авторъ изложилъ экономическія отношенія Византіи къ другимъ народамъ, а въ книгѣ, посвященной соціальной душѣ, прослѣдилъ распространеніе византійской вѣры, византійскаго искусства и византійской литературы за предѣлами византійскаго соціальнаго существа, въ особенности у славянскихъ народовъ.

Второй томъ, имѣющій предметомъ своимъ существо политическое, безъ дѣленія на книги и безъ различенія политическаго тѣла и политической души, содержитъ въ себѣ пять главъ. Въ двухъ первыхъ главахъ изображается внутренняя политическая эволюція (императорская власть, сенатъ, осуществленіе власти исполнительной, судебной и законодательной, административный организмъ и связь отдѣльныхъ административныхъ клѣточекъ съ центральною властію). Въ трехъ послѣднихъ главахъ изображается внѣшняя политическая эволюція: здѣсь, въ исторической послѣдовательности и по періодамъ разсмотрѣны всѣ борьбы,

которыя вела имперія, за все время ея существованія, съ разными народами, азіатскими и европейскими; но сюда же отнесена и внутренняя организация военной силы византійской имперіи.

Читатель, конечно, не ошибется, если назоветъ программу, которую задался авторъ, колоссальною, тѣмъ болѣе, что трудность ея выполненія осложнялась еще тѣмъ, что между нижнею имперіею (*Bas Empire*, какъ принято называть византійскую имперію у французскихъ ученыхъ) и между римскою имперіей (*Haut Empire*) существовали многочисленныя и внутреннѣйшія отношенія, такъ что автору приходилось довольно часто обращаться и къ римской имперіи. Онъ и самъ сознаетъ, что писать въ настоящее время общую исторію византійской имперіи было бы еще преждевременно, по причинѣ существующихъ въ ней пробѣловъ; но дать краткій обзоръ (*aperçu*) онъ считаетъ полезнымъ и интереснымъ. Въ послѣднія 40 лѣтъ, говоритъ онъ, ученые работы Рамбо, Шлюмберже, Крумбахера и Деля положили конецъ вѣковымъ предразсудкамъ въ оцѣнкѣ византійской имперіи и реабилитировали ее. Но такъ какъ эти работы вообще имѣютъ монографическій характеръ, то и реабилитация не могла проникнуть за предѣлы ограниченного круга читателей, и г. Гренье слѣдовательно поставилъ себѣ цѣлью популяризировать для широкихъ круговъ читающей публики то, что содержится въ ученыхъ монографіяхъ. Въ дѣйствительности авторъ черпаетъ изъ разнообразныхъ источниковъ, далеко не ограничиваясь трудами названныхъ византинистовъ, хотя точныя цитаты являются у него скорѣе исключеніемъ, чѣмъ правиломъ.

Пересмотримъ теперь важнѣйшія положенія автора, пользуясь его собственными выраженіями и слѣдуя принятому имъ порядку изложенія, который даже и у германистовъ едва ли нашелъ бы одобреніе, по своей искусственности,¹ но которому во всякомъ случаѣ нельзя отказать въ своеобразности.

Образованіе византійскаго соціальнаго существа, которое, какъ сказано выше, предшествуетъ образованію политическаго, началось очень рано. Филиппъ и Александръ Македонскій трудились надъ созданіемъ великаго грековосточнаго государства, и хотя, съ смертію Александра, имперія его распалась, но ея прочнымъ результатомъ была эллинизация Малой Азіи, Сиріи и Египта. Атталиды, Селевкиды и Лагиды соперничали между собою въ стремленіи дать греческой цивилизации, не смотря на полное паденіе самой Греціи, возможно широкое распространеніе и полный блескъ, и какъ разъ въ то время, когда въ греческой концепціи государства совершался переворотъ, когда греческія политіи, города-государства или города-республики, уступали мѣсто великимъ территориальнымъ государствамъ, когда партикулярнымъ соціальнымъ тѣламъ и соціальнымъ душамъ преемствовали единое соціальное тѣло и соціальная душа единаго соціальнаго существа — грековосточнаго. Римская власть, какъ скоро она распространилась на эллинизованный востокъ, не мѣшала,

а напротивъ благопріятствовала этому процессу сформированія новаго соціального тѣла и новой соціальной души на востокѣ. Можно сказать даже, что римская имперія съ самаго начала была раздѣлена на двѣ части: часть западную, романизованную, въ которой римская цивилизація пустила столь глубокіе корни, что, и нѣсколько вѣковъ спустя, не смотря на нашествіе варваровъ, ожила, и на часть восточную, глубоко эллинизованную, цивилизація которой была грековосточная, углѣблявшая и при нашествіи варваровъ. Политическимъ результатомъ нашествія варваровъ былъ формальный раздѣлъ имперіи на восточную и западную, хотя этотъ раздѣлъ былъ скорѣе административнымъ дѣленіемъ, чѣмъ политическимъ раздвоеніемъ суверенитета, ибо и при двухъ императорахъ римская имперія оставалась единою, а смотря по обстоятельствамъ и императоръ могъ быть одинъ; суверенитетъ не былъ доменіальнымъ; продолжало жить понятіе единого римскаго государства и единого римскаго законодательства, все равно какъ это было при раздѣленіи имперіи на провинціи сенатскія и императорскія въ первыя времена принципата, или при четырехъ императорахъ во времена Діоклетіана. Θεодосіевскій кодексъ былъ обнародованъ въ обѣихъ имперіяхъ въ 438 г., при Валентіанѣ III на западѣ и при Θεодосіѣ II на востокѣ. Правда, при этихъ же императорахъ и началось порваніе единства римскаго законодательства: въ одномъ эдиктѣ было ими постановлено, что новые законы получаютъ исполнительную силу только въ территоріи обнародовавшаго ихъ государства, если не будутъ явственно приняты и другимъ коллегой. Но фикція единой имперіи продолжала жить и въ позднѣйшія времена, какъ на востокѣ, такъ и въ возстановленной со времени Карла Великаго римской имперіи на западѣ.

Новое соціальное тѣло на востокѣ образовалось съ двумя соціальными силами: съ церковью и съ имперскою аристократіей. Императоры, желая основать абсолютную монархію, были вынуждены бороться съ тою и другою, и хотя, по мнѣнію автора, только двумъ императорамъ. Юстиніану и Василию II-му, удалось достигнуть цѣли, т. е. сдѣлаться абсолютнымъ монархомъ, ни той, ни другой изъ соціальныхъ силъ не удалось занять того положенія, которое онѣ заняли на западѣ, — положенія государства въ государствѣ. Авторъ подробно излагаетъ историческое развитіе церковной организаціи, а такъ какъ явленія западно-европейской исторіи, не исключая и борьбы между германскою имперіей и папствомъ, отражались и на судьбахъ востока, то авторъ считалъ нужнымъ указывать на тѣ обстоятельства, въ которыхъ проявлялись эти взаимодѣйствіе и связь. Не мало мѣста отведено борьбѣ императоровъ съ церковнымъ землевладѣніемъ. Въ послѣдовательномъ же порядкѣ историческаго развитія очерчена роль и другой соціальной силы—аристократіи, начиная съ организаціи римскаго сената и сенаторскаго сословія и оканчивая свѣтскими властями позднѣйшаго византійскаго типа, съ ихъ постоянными усиліями конкурировать съ церковью и въ особенности съ монашествомъ

въ поглощеніи мелкой собственности, т. е. въ такомъ процессѣ, который неминуемо долженъ былъ вести къ раздробленію государственнаго суверенитета, какъ говоритъ авторъ. Ниже, подъ этими двумя социальными силами, держалась третья, искусственно созданная и имѣвшая гораздо меньшее значеніе, чѣмъ первыя двѣ, — это куріалы, послѣдній остатокъ античной социальной организаціи.

Слѣдя за религіозной эволюціей, авторъ изображаетъ историческій періодъ отъ политеизма къ монотеизму, причемъ въ самомъ политеизмѣ различаетъ политеизмъ арійскій, покоившійся на основѣ политіи или *civitatis*, тѣсно связанный въ тоже время съ семьей, и политеизмъ семитическій, не на этой основѣ базировавшійся, — изображаетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, борьбу церкви съ неоплатонизмомъ, съ язычествомъ, съ юдаизмомъ, съ ересями разнаго рода. Между тѣмъ какъ въ области религіи новая социальная душа выразилась указаннымъ переходомъ отъ политеизма къ монотеизму, въ области морали она выразилась прогрессивной замѣной солидарности индивидуализмомъ. Индивидуализмъ, какъ явленіе моральной эволюціи, составляющее, по мнѣнію автора, характерную черту грековосточнаго социального существа, былъ послѣдствіемъ разрушенія античной политіи — *civitatis*, социальной и религіозной, которая была вмѣстѣ и моральною, которая спланивала всѣхъ ея членовъ солидарностію, безъ какого бы то ни было вліянія на ихъ совѣсть со стороны жрецовъ Греціи и Рима, тогда какъ между самими политіями никакой моральной солидарности не существовало. Съ исчезновеніемъ этой античной политіи — *civitatis*, индивидъ оказался лицомъ къ лицу съ индивидами, съ которыми онъ уже не связанъ никакими узами солидарности. Запоздалая попытка неоплатониковъ создать не только универсальную религію, но и универсальную мораль, не имѣла никакого успѣха. Индивидъ освобождался отъ различныхъ собирательныхъ единицъ, существовавшихъ въ древней *civitas*, и отъ политическихъ различій, установленныхъ Римомъ. Самые законы скрѣпляли это индивидуалистическое движеніе, придавая большію важность естественному родству, сравнительно съ агнатическимъ, освобождая дѣтей изъ подъ власти родителей, жену изъ подъ власти мужа, допуская разводъ, вводя разныя преобразованія въ область наследственнаго права, устраняя преграды къ заключенію браковъ между лицами разныхъ общественныхъ классовъ, ослабляя и затѣмъ упраздняя корпораціи, уничтожая различіе между гражданами и провинціалами и т. д. Замѣна солидарности индивидуализмомъ повела къ исчезновенію идеи отечества, такъ что одна лишь религіозная связь могла соединить подданныхъ имперіи для борьбы съ непріателемъ.

Въ области искусства новая социальная душа проявилась проникновеніемъ греческихъ чувствъ въ официальное римское искусство, а въ литературѣ — возрастающимъ перевѣсомъ грековъ и перенесеніемъ центра интеллектуальной жизни римской имперіи на востокъ.

Для новаго социального существа явилась и новая столица — Констан-

тинополь, и вскорѣ же затѣмъ, отдѣлившись отъ разрушившейся римской имперіи, восточное социальное существо сдѣлалось политическимъ существомъ. Съ этого времени византійская имперія проходитъ черезъ четыре главныхъ фазы: 1) отъ начала IV до половины VII в., 2) отъ половины VII до половины IX в., 3) отъ половины IX до половины XI в. и 4) отъ половины XI до половины XV в.

Въ первой фазѣ двѣ, извѣстныя намъ, социальныя силы развиваются, и изъ нихъ церковь достигаетъ наибольшаго развитія. На нее опирались императоры въ своемъ стремленіи сдѣлать имперію цивильною, въ противоположность военной, т. е. сломить силу войска, распоряжавшагося императорскимъ престоломъ. Церковь приобрѣла массу недвижимости, получила многочисленныя привилегіи, вторглась въ политическую область; она принимала участіе во всѣхъ важныхъ народныхъ событіяхъ, обладая громаднымъ вліяніемъ на народъ, религіозная ревность котораго была очень приподнята. Въ VI в. церковь окончательно одержала побѣду надъ греческою философіей и паганизмомъ; оставался одинъ юдаизмъ, имѣвшій мало приверженцевъ. Сильно развилось монашество, и послѣ VI в. церковь вполне наложила руку на литературу и искусство; но она ослаблена была внутренними борьбами, которыя были вызваны необходимостью установить догматы, различіемъ религіозныхъ концепцій, въ особенности же соперничествомъ между патріархами, которое облегчалось отсутствіемъ высшей надъ ними власти. Выгоду изъ этихъ религіозныхъ смутъ извлекъ для себя одинъ патріархъ римскій, не имѣвшій никакого соперника на западѣ, управлявшій дисциплинированнымъ клиромъ, недоступный для восточнаго императора. Онъ послѣдовательно ослабилъ трехъ восточныхъ патріарховъ, искусно разыгрывая роль арбитра и въ концѣ концовъ заставляя признать свою супрематію. Онъ въ время обратился къ Юстиніану, чтобы избавиться отъ арианъ-остготовъ, и въ время же освободился отъ византійской опеки, когда византійская власть въ Италіи стала склоняться къ упадку. Въ то же время на востокѣ, послѣ того, какъ, съ признаніемъ христіанства, ряды высшаго духовенства стали наполняться лицами изъ высшихъ классовъ, церковь болѣе и болѣе отдѣлялась отъ народа, потеряла вкусъ къ вопросамъ моральнымъ, и если она, за все время существованія имперіи доставляла персоналъ для администраціи благотворительныхъ учреждений, то высшая дирекція этихъ учреждений всегда принадлежала государству. Въ своихъ земельныхъ владѣніяхъ она всегда допускала рабство, между тѣмъ какъ государство употребляло всѣ усилія, чтобы уничтожить его. Что касается второй социальной силы — имперской аристократіи, то со времени Юстиніана таковою сдѣлалась провинціальная чиновная и землевладѣльческая знать, воспользовавшаяся продажностію должностей, чтобы занять всѣ высшія государственныя должности. Соединеніе магистратуры съ крупнымъ землевладѣніемъ должно было повести къ раздробленію государственнаго суверенитета. Такъ какъ, съ основаніемъ Константинополя, императоръ освободился отъ давленія римскаго сената и преторіанской

гвардіи, со времени же Θεодосія I освободился п отъ давленія легіоновъ, а между тѣмъ въ лицѣ императора соединились всѣ полномочія власти, то перковь и аристократія оказывались единственнымъ силами, которыя могли умѣрять императорскій деспотизмъ. Народъ не интересовался политическими вопросами, не интересовался даже замѣщеніемъ императорскаго престола; правительство было вполнѣ отдѣлено отъ народа. Участь рабовъ (esclaves) улучшилась, и со времени Юстиніана вольноотпущенникъ сдѣлался свободнымъ человѣкомъ; но зато образовалась новая категория лицъ: колонны и крѣпостные (les colons et les serfs).

Въ большихъ городахъ скучивался самый развращенный элементъ населенія имперіи, — праздные потребители, ничего не производившіе, но столько же тщеславные, какъ и богачи; послѣдніе, чтобы поддержать свое вліяніе на этотъ народъ, развлекали его играми и кормили, раздавая жизненные припасы. Въ большихъ городахъ народъ былъ трудолюбивъ, и имперія процвѣтала. Такъ какъ варварскія нашествія затронули лишь малую часть имперіи, и то на короткое время, то экономическое благосостояніе, царствовавшее въ греческомъ мірѣ, благодаря римскому миру, до IV в., продолжало развиваться до половины VII в. При Юстиніанѣ византійская торговля господствовала на всемъ средиземномъ морѣ и начала даже создавать себѣ рынки на Черномъ морѣ основаніемъ Трапезунта, открытіемъ пути въ Китай черезъ Каспій и возвращеніемъ Херсонеса подъ витантійскую власть. Но финансы, процвѣтавшіе до Юстиніана вслѣдствіе чрезвычайныхъ издержекъ его царствованія, разстроились.

Эстетическія чувства византійскаго соціального существа, пробужденныя христіанскими идеями, нашли себѣ также выраженіе въ IV в. Впрочемъ, самые живые роды искусства—живопись и скульптура получили малое развитіе, а напротивъ довольно широко развилась художественная индустрія, промышленное искусство (напр. издѣлія изъ серебра, вышивки), что объясняется любовью къ роскоши и тщеславіемъ. Вообще же искусство этого времени представляетъ собою сочетаніе эстетическихъ чувствъ грековъ и эстетическихъ чувствъ оріенталовъ, слѣдовательно нѣчто типически отличное отъ древнегреческаго искусства, свойственное не греческому, а византійскому соціальному существу. Авторъ много говоритъ объ архитектурѣ, причемъ излагаетъ генеалогію купола, о внутреннихъ украшеніяхъ церковныхъ зданій, о мозаикѣ, далѣе о живописи и миниатюрахъ въ манускриптахъ, отчасти и о скульптурѣ, которая, бывъ изгнана изъ церкви, вскорѣ должна была исчезнуть. Да и все вообще византійское искусство, достигнувшее извѣстной высоты въ теченіе двухъ столѣтій, не почерпнуло жизнеспособности ни въ себѣ самомъ, ни въ томъ обществѣ, среди котораго оно образовалось. Не любовь къ прекрасному лежала въ основѣ его развитія, а вкусъ къ роскоши и традиціи. Любви къ природѣ у византійскихъ художниковъ не было. Христа они не изображали уже въ видѣ добраго пастыря, а придавали Ему видъ восточнаго монарха, одѣтаго въ богатыя облаченія и въ пурпурную мантию,

избѣгая всего того, что могло бы казаться униженіемъ для божественнаго величества, напр. бичеванія и распятія, слѣдовательно такихъ композицій, въ которыя бы можно было внести хотя сколько нибудь жизни и движенія. Въ орнаментикѣ византійцы поступали такъ, какъ поступали оріенталы, придавая животнымъ формы ненатуральныя, а фантастическія; къ пейзажу никакого вкуса не имѣли; въ мозаикѣ и миниатюрахъ не обнаружили никакого умѣнья компоновать сцену, такъ какъ сюжеты почти всегда имѣютъ одну и ту же позу; драпировка персонажей однообразна и монотонна. Такъ какъ въ VI в. религіозное общество получило перевѣсъ надъ гражданскимъ, то живопись слѣлалась достояніемъ монаховъ, и религіозное искусство впало въ формализмъ. Архитектура при Юстиніанѣ централизовалась въ Константинополѣ, съ разрушеніемъ провинціальныхъ училищъ архитектуры, преподаваніе же ея въ Константинополѣ получило официальную постановку, не имѣя уже своимъ базисомъ эстетическихъ чувствъ византійскаго соціального существа, отдѣлившись отъ народа и тѣмъ самымъ обрекая себя на безжизненность.

Что касается литературной области, то древняя греческая литература, предшествовавшая IV вѣку, поддерживалась. Но такъ какъ ученые, принимавшіе участіе въ публичной жизни, получали свое образованіе въ школахъ, ученіе въ которыхъ было отдалено отъ народа, то и произведенія ихъ, вслѣдствіе этого, были безжизненны. Однако, рядомъ съ свѣтскою литературой, образовалась новая литература—церковная, и такъ какъ церковь вначалѣ была во внутренней живой связи съ народомъ, то церковная литература IV в. была блестящею, послѣ чего стала падать, по мѣрѣ того какъ утрачивалась живая связь церкви съ народомъ. Въ половинѣ VII в. наблюдается полное паденіе наукъ и искусствъ. Византійскій интеллектъ не обнаружилъ стремленія къ истинному, къ прекрасному и къ природѣ, не оказалъ ни истиннаго критическаго смысла, ни духа наблюденія и синтеза. Эти черты литературы и искусства такъ и остались до конца имперіи.

Что касается политики, то втеченіе первой фазы, или перваго періода своей исторіи, имперія не только раздиралась внутренней борьбой, но и должна была отражать нападенія другихъ существъ соціальныхъ и политическихъ; не мало терпѣла и отъ стихійныхъ бѣдствій. Религіозная борьба имѣла наиболѣе серьезное значеніе для большихъ городовъ, праздное населеніе которыхъ всегда готово было взбудоражиться по первому сигналу монаховъ. Со времени Юстиніана религіозная борьба нѣсколько утихла, но преслѣдуемая императорами сепаратистскія секты всегда оказывались готовыми съ радостію встрѣчать враговъ имперіи. Къ этой причинѣ слабости имперіи присоединилась еще другая: продажность и вымогательства чиновниковъ, мѣшавшія административному организму приносить ту пользу, которую онъ могъ бы приносить. Съ внѣшними врагами имперія должна была воевать на два фронта — въ Европѣ и въ Азіи. Въ Европѣ имперія должна была отражать нашествія

номадовъ—германцевъ, славянъ, финновъ; въ Азіи должна была бороться главнымъ образомъ съ Персіей, и если въ концѣ концовъ она вышла побѣдительною, то благодаря своей хорошей военной организаціи. Императоры понимали, что имперія должна занимать оборонительное положеніе и создали цѣпь крѣпостей; главную же силу имперіи представлялъ флотъ, тогда какъ противники флота не имѣли. Имперія защищалась побѣдоносно. Въ Европѣ германскія и финскія нашествія были отражены. Юстиніанъ подчинилъ своей власти Италію и Африку, разрушивъ государства остготское и вандальское. Въ Азіи Маврикій наложилъ руку на Арменію, и Персіи не удалось подорвать имперскую силу.

Вторая фаза византійской исторіи началась страшнымъ нашествіемъ арабовъ. До тѣхъ поръ византійцы смотрѣли на арабовъ только какъ на разбойниковъ, неспособныхъ организовать большую войну, а фортификаціонная система ихъ была направлена только противъ Персіи. Арабы же выступили какъ разъ въ такой моментъ, когда имперія исчерпала свои силы въ борьбѣ съ Персіей. Арабы быстро завоевали Сирію и Египетъ, пользуясь и единствомъ расы, и враждою преслѣдуемаго за ересь населенія къ имперіи, и сходствомъ географическихъ условій. Сарацины заняли также и византійскую Африку, овладѣли Киликіей, заняли проходы Тавра и готовы были занять всю Малую Азію, соединившись съ сектою павликіанъ Верхняго Евфрата—этихъ внутреннихъ религіозныхъ враговъ византійской имперіи. Хотя въ концѣ VII и въ началѣ VIII в. византійцамъ удалось отразить арабовъ отъ Константинополя, но въ началѣ IX вѣка арабы отняли еще Критъ и Сицилію, угрожая берегамъ Эгейскаго моря и южной Италіи.

Печальными послѣдствіями для имперіи должно было сопровождаться и разрушеніе арабами Персіи, которая, не смотря на ея непріязненные отношенія къ имперіи, всетаки составляла оплотъ арійскаго міра противъ нашествій изъ средней Азіи. Арабское нашествіе нанесло тяжкій ударъ экономическому благосостоянію имперіи. Византія потеряла двѣ богатѣя области: Сирію и Египетъ. Флотъ ея въ западной части Средиземнаго моря былъ вытѣсненъ арабскимъ, долженъ былъ даже бороться за свое преобладаніе и въ восточномъ Средиземномъ морѣ. Въ тоже время имперія переживала тяжелый внутренній кризисъ. Церковь, особенно въ лицѣ монашества, наложила свою руку на гражданское общество, а невѣжественное суевѣріе народныхъ массъ выродилось въ политизмъ. Началась эпоха иконоборства, длившаяся болѣе 100 лѣтъ. Искусство мало пострадало въ этотъ періодъ. Если нѣкоторый ущербъ потерпѣли живопись и мозаика, то миниатюра напротивъ развилась. Авторъ находитъ даже возможнымъ сказать, что, въ общемъ, иконоборство было благопріятно развитію искусства. Только стѣнная церковная живопись и церковная мозаика должны были пострадать. Религіозныя композиціи были замазаны известкой, такъ какъ епископы собора 754 г. объявили, что преступное искусство живописи есть хула противъ основнаго догмата

нашего спасенія; но религіозныя изображенія были замѣнены свѣтскою живописью. Литература, за исключеніемъ хроники и эпиграммы, продолжали падать. Вынужденная напрягать всѣ свои усилія противъ арабовъ, имперія не въ состояніи была поддерживать энергически свое господство въ Италіи. Поэтому папы, подѣ предлогомъ преслѣдованія иконопочитанія, мало по малу освободились отъ византійской опеки, и когда на западѣ у франковъ твердо утвердилось католическая династія, оперлись на нее и сдѣлались независимы отъ византійскаго императора. Армяне и болгары также воспользовались борьбою имперіи съ арабами, чтобы освободиться отъ ея сюзеренитета; болгарамъ удалось даже основать большую имперію, которая, въ моментъ ея покоренія при Василіѣ II, обнимала нынѣшнія Болгарію и Сербію, центръ Македоніи и Албанію. Вообще въ теченіе второй фазы имперія казалась обреченною на близкую погибель. Она потеряла Арменію, Киликію, Сирію, Египетъ, Сицилію, почти всю Италію, большую часть Балканскаго полуострова и нѣкоторые острова Эгейскаго моря. За нею оставались лишь незначительная полоса земли на балканскомъ полуостровѣ и небольшая часть Малой Азіи, и то, что оставалось еще за имперіей, было постоянно опустошаемо ея врагами. Сарацины Сициліи грабили берега южной Италіи, сарацины Крита, за одно съ славянами, опустошали берега Эгейскаго моря, сарацины Киликіи постоянно наводняли плато Малой Азіи. Внутреннія смуты, вызванныя преслѣдованіемъ монашества, сдѣлали положеніе имперіи еще болѣе печальнымъ. Византійская соціальная душа проявляла свою жизнь лишь слабымъ бленіемъ. Но жизненная сила имперіи еще разъ воспрянула; соціальное разложеніе ея было задержано императорами, и дѣло соціальной реорганизациі, предпринятое иконоборцами, было продолжаемо съ неослабѣвающею энергіей македонцами, — и за самымъ печальнымъ и ужаснымъ періодомъ византійской исторіи послѣдовалъ самый блистательный и цвѣтущій.

Въ началѣ этого *третьяго* періода обѣ, извѣстныя намъ соціальныя силы, достигли большаго могущества, чѣмъ когда-либо раньше. Аристократія захватила должности гражданскія и военныя, распоряженіе казною и войскомъ. Монашество, послѣ того какъ церковь вышла побѣдительною изъ борьбы съ иконоборствомъ, распространилось не только въ городахъ и въ пустыняхъ, но и по деревнямъ, отнимая у имперіи земледѣльцевъ, солдатъ и доходы. Обѣ соціальныя силы, поглощая въ свою пользу мелкую собственность, вели имперію къ раздробленію суверенитета. Македонцы энергически боролись съ обѣими силами, и Василію II-му удалось установить абсолютную монархію. Впрочемъ, и этихъ императоровъ нужда заставляла пріостанавливать борьбу съ церковью, чтобы воспользоваться ея поддержкой противъ аристократіи. Въ концѣ IX в. куріалы, — этотъ послѣдній остатокъ античной соціальной организациі, окончательно исчезли, и новый соціальный органъ — община (коммуна), появившійся двумя или тремя столѣтіями раньше, получилъ сильный импульсъ отъ

императоровъ, которые покровительствовали ему съ цѣлью парализовать ростъ дворянства и церкви; начинала сформировываться третья сила—буржуазія. Втеченіе третьяго періода экономическая мощь имперіи, благопріятствуемая императорами, прошла черезъ свой апогей.—Потеря Сиріи и Египта вызвала развитіе земледѣлія и промышленности въ остальной имперіи. Вкусъ къ роскоши, развившійся у арабовъ послѣ ихъ завоеваній, далъ сильный толчекъ внѣшней торговлѣ между византійцами и арабами. Возстановленіе флота дало возможность вернуть Критъ и съ полною безопасностію производить торговлю въ Эгейскомъ морѣ. Въ Черномъ морѣ византійская торговля расширилась, благодаря экономическому процвѣтанію Арменіи, Трапезунта и Херсонеса. Все это отразилось и на финансахъ имперіи: они процвѣтали. Притомъ же развитіе торговли дало работу населенію столицы, сдѣлавъ его менѣе празднымъ. Въ области админисграціи дѣло соединенія властей военной и гражданской въ однихъ рукахъ; начатое еще Юстиніаномъ, съ окончательнымъ установленіемъ темъ стало въ X в. совершившимся фактомъ. Въ тоже время закончился и другой процессъ—грецизація всего административнаго аппарата съ отрѣшеніемъ отъ римскихъ понятій и отъ римской терминологіи. Освобожденіе гражданскаго общества отъ религіознаго, достигнутое иконоборцами, принесло извѣстные плоды въ литературѣ и въ искусствѣ. Умственная производительность сосредоточивалась главнымъ образомъ во дворцѣ и отчасти въ монастыряхъ. Возрожденіе искусства, начавшееся съ Теофила, развернулось, какъ только войну смѣнилъ миръ. За исключеніемъ статуй, окончательно воспрещенныхъ церковью, всѣ вѣтви византійскаго искусства получили новый полетъ въ концѣ IX и въ X в. Вновь воздвигались многочисленные храмы, а необходимость возстановить фрески и мозаики, замазанныя иконоборцами, дала новый толчекъ живописи и мозаикѣ. Развитію послѣдней содѣйствовали и знатныя лица, пользовавшіяся ею для украшенія своихъ дворцовъ. Миниатюра продолжала развиваться. Скульпторы, не имѣя возможности заниматься статуями, обратились къ издѣліямъ изъ слоновой кости. Роскошь, которая въ это время еще болѣе усилилась, благодаря экономическому богатству имперіи, вызвала мощное развитіе золотыхъ и серебряныхъ издѣлій, работъ по эмали и производству богатыхъ матерій. Общій же характеръ ренессанса—погоня за элегантностію и граціей. Въ живописи и мозаикѣ византійскіе художники этого періода, не ограничиваясь рабскимъ подражаніемъ античному искусству, проявляли настоящую творческую силу, вносившую въ ихъ произведеніе фантазію и разнообразіе, стремились къ реальности, придавали красоту своимъ персонажамъ, представляли Христа молодымъ и прекраснымъ, трактовали различныя темы распятія. Но анатоміи они не придавали никакого значенія; композиціи сцены не знаютъ, такъ какъ всѣ персонажи изображались en face, и второстепенные сюжеты трактовались по одинаковому образцу, послѣдствіемъ чего была ихъ монотонность; законы перспективы имъ неизвѣстны; къ пейзажу они чувствовали полное

отвращеніе. Что касается литературнаго ренесанса, то онъ имѣлъ мѣсто главнымъ образомъ въ свѣтской литературѣ; церковная же литература, на которую церковь наложила руку, ограничивалась подражаніемъ отцамъ IV-и V вв. не затрогивая фундаментальныхъ вопросовъ догмата. Въ области свѣтской литературы византійцы больше и больше обращались къ античной греческой литературѣ и вдохновлялись ею. Начали изучать Платона, наряду съ Аристотелемъ, и философія снова освободилась отъ теологіи, въ которой она погрязла въ VI в., послѣ упраздненія философіи, какъ отдѣльной отрасли знанія. Однако, отъ народа литература больше и больше отдалялась; писатели, не исключая и духовныхъ, поддерживали древнегреческій языкъ, какъ литературный, который въ началѣ XI в. сдѣлался уже совершенно непонятнымъ для большинства народа.

Возродившаяся внутренне имперія дала блестящій реваншъ и внѣшнимъ врагамъ. Возстановивъ армію и флотъ, имперія перешла въ наступленіе сначала противъ арабовъ, потомъ противъ болгаръ. Василій II уничтожилъ болгарское царство, присоединилъ къ имперіи Армению и Грузію; сарацины прогнаны съ юга Италіи, и даже въ Сицилію византійцы занесли ногу. Имперія одерживала побѣды и надъ болѣе отдаленными противниками: руссами, венграми и германцами. Но хорваты и арабы, призванные раньше Иракліемъ съ тѣмъ, чтобы служить заслономъ отъ финскихъ народовъ, и пользовавшіеся позднѣе относительно самостоятельностью подъ византійскимъ сюзеренитетомъ, въ концѣ третьяго періода совершенно освободились отъ него. Почти совершенно независимо сдѣлалась также и Албанія. Далмація поступила подъ власть Венеціи. Папа, въ концѣ второго періода освободившійся отъ византійской опеки, сначала держался въ оборонительномъ положеніи относительно Византіи, и вслѣдствіе эллинизации южной Италіи византійское вліяніе въ Римѣ чувствовалось до конца IX в. Своимъ центральнымъ положеніемъ между двумя имперіями папа искусно пользовался, чтобы освободиться отъ той и другой.

Съ началомъ *четвертаго* періода, или послѣдней фазы византійской исторіи, императоры отказались отъ борьбы съ обѣими соціальными силами, сознавая свое безсиліе. Монашество, особенно послѣ изгнанія латинянъ и возстановленія имперіи въ Константинополѣ, чрезвычайно разрослось. Съ Комниными и Палеологами власть перешла въ руки крупной землевладѣтельской аристократіи. Императоры, стараясь достигнуть независимости отъ того сословія, изъ котораго они вышли, создали высшую аристократію изъ членовъ своей фамиліи, которые при Комниныхъ не имѣли еще опредѣленныхъ должностныхъ положеній, но при Палеологахъ заняли таковыя положенія. Обѣ соціальныя силы продолжали поглощать мелкую собственность, и соціальная эволюція имперіи мало по малу приводила къ расчлененію суверенитета. Основаніемъ латинской имперіи эта эволюція была ускорена.

То, что уцѣлѣло отъ византійской имперіи, распалось на три части: никейскую имперію, трапезунтскую имперію и эпирскій деспотатъ. Единство имперій не могло уже возстановиться и по изгнаніи латинянъ. Уцѣлѣвшій остатокъ имперіи ослаблялся притомъ же борьбою аристократіи съ императорами и установленіемъ удѣльных княжествъ. Общины, образовавшіяся изъ свободныхъ людей, стали соединяться между собою для сопротивленія захватамъ властелей и къ концу имперіи сдѣлались независимыми. Въ большихъ городахъ, гдѣ буржуазія сдѣлалась могущественнымъ классомъ, въ XIV и XV вв. часто возгоралась борьба между аристократическою и демократическою партіями. Соціальная анархія еще болѣе увеличивалась этнографическими модификаціями, которымъ имперія подвергалась отъ начала ея существованія. На Балканскомъ полуостровѣ славянскія и валахскія племена перемѣшались съ народностями греческаго происхожденія, а перемѣщенія народовъ, отъ времени до времени дѣлавшіяся императорами, еще болѣе усложнили этнографію этой страны. Созданіе латинской имперіи дало возможность этимъ народностямъ иностраннаго происхожденія эманципироваться отъ Византіи. Въ византійской Азіи армяне глубоко измѣнили этнографію Киликіи, а турки—остальную Малой Азіи.

И соціальная эволюція, и внѣшнія событія, и проникновеніе чужеродныхъ элементовъ приводили постепенно къ раздробленію государственнаго суверенитета. Суверенитетъ сдѣлался доменіальнымъ. Имперія не представляла никакой соціальной сплоченности, чтобы быть въ состояніи бороться съ своими врагами. Въ тоже время падала и экономическая жизнь Византіи. Земледѣліе, подорванное уже поглощеніемъ мелкой собственности крупною, страдало и отъ нашествія норманновъ, латинянъ и турокъ. Захвативъ въ свое время торговлю Эгейскаго моря въ свои руки, византійцы не постарались овладѣть снова торговлею западной части Средиземнаго моря, не поняли, что въ варварскомъ мірѣ совершается эволюція, и что въ немъ они могли бы найти богатые рынки. Роль посредника между востокомъ и западомъ стали выполнять города Италіи, смѣнившіе сарацинъ въ Тирренскомъ и Адриатическомъ моряхъ. Разбогатѣвъ и усилившись, города Италіи старались и вообще завоевать себѣ торговое преобладаніе на самомъ востокѣ. И дѣйствительно, благодаря крестовымъ походамъ, они завладѣли торговлею восточнаго Средиземнаго моря, а во время четвертаго крестоваго похода Венеція отняла у византійцевъ самое сердце ихъ торговли — Эгейское море. Они оставались хозяевами только на Черномъ морѣ, но и оно вскорѣ попало въ руки генуэзцевъ, а монгольскія нашествія почти совершенно остановили торговлю съ Россіей. Вслѣдствіе войнъ и роскоши двора, падали и финансы и въ своемъ паденіи дошли до самаго печальнаго состоянія.

Немудрено, что, съ распаденіемъ соціальнаго тѣла, падала и соціальная душа, не смотря на поощреніе искусствъ и наукъ Комнинными и Палеологами. Въ искусствѣ мало по малу угасала всякая творческая сила;

только промышленное художество процвѣтало еще до нѣкоторой степени, благодаря любви къ роскоши, и то лишь до латинскаго завоеванія. На религіозное искусство наложила свою руку побѣдоносная церковь; типологія фигуръ и композицій была фиксирована. Основаніемъ латинской имперіи паденіе византійскаго искусства было ускорено, и не только потому, что латинская имперія вообще ускорила процессъ соціального разложенія византійской имперіи, но и потому, что латинянами была уничтожена масса античныхъ моделей, которыми до тѣхъ поръ вдохновлялись византійскіе художники для пополненія недостатка творческой силы. Къ концу имперіи, то, что еще можно было назвать искусствомъ, бѣжало въ монастыри. Промышленность художественная исчезла вслѣдствіе обѣднѣнія. Въ области свѣтской литературы ренесансъ поддерживался искусственно до конца имперіи, но отъ народа эта литература была далека. Въ половинѣ XI в. обнаружился даже полный расколъ между литераторами и народомъ, для котораго древнерусскій языкъ сдѣлался непонятнымъ. Въ такомъ же положеніи находилась и церковная литература и тоже не блистала. Въ философіи побѣда религіознаго общества надъ гражданскимъ повела къ пораженію сторонниковъ Платона и обезпечила триумфъ философа церкви - Аристотеля, вслѣдствіе чего сдѣлалось невозможнымъ созданіе истинной метафизики, свободной отъ теологіи.

Итакъ съ имперіей, въ моментъ ея паденія въ половинѣ XV в., происходила агонія соціальная, политическая и экономическая, такъ что слѣдовательно и интеллектуально она умирала. Административный организмъ давно уже трещалъ по всѣмъ швамъ. Правители темъ перестали поддерживать центральную казну, такъ какъ сами отъ центральной власти никакой помощи не получали. Іоанна Палеолога, когда онъ прибылъ въ Италію, въ Венеціи задержали за долги. И при этой агоніи, она еще должна была вдобавокъ испытывать страшныя и постоянныя нападенія, вынужденная воевать на два фронта: на западѣ съ народами западной Европы, направляемыми папой, на востокѣ съ выходцами изъ Алтая — турками. Соціальное разложеніе и дурныя финансы дѣлали невозможнымъ содержаніе солидной арміи, а полное паденіе морской торговли повело къ исчезновенію морской силы — имперскаго флота, на которомъ всегда покоилась *suprema salus* имперіи. (О значеніи флота для имперіи вообще много говорится у Гренье: см. стр. XVII, 155, 173 — 174 и во II томѣ стр. 111, 129—130, 161, 176, 190, 234, 241, 251, 256, 269).

Въ началѣ четвертаго періода, папа, изгоняя грековъ изъ южной Италіи съ помощію норманновъ, тѣмъ самымъ освобождался отъ всякой опасности со стороны Византіи. Добившись признанія своей высшей власти въ западной Европѣ, онъ желалъ возстановить древнюю римскую имперію въ свою собственную пользу, такъ чтобы и востокъ подчинился римской юрисдикціи. Съ этой цѣлью онъ послѣдовательно выдвигалъ противъ Византіи норманновъ, латинянъ и анжуйцевъ, изъ которыхъ одни только латиняне, и то лишь на короткое время, осуществили этотъ

проектъ, присоединивъ къ римской церкви патріархаты антискійскій, іерусалимскій и даже константинопольскій. Но изъ имперіи, черезъ какія нибудь 50 лѣтъ, они были изгнаны. Сравнительно дольше за ними оставались Эллада и Морея, но черезъ 100 лѣтъ и большая часть Эллады была отвоевана греками. Послѣ неудачи анжуйцевъ, папство не дѣлало новыхъ попытокъ противъ Византіи. Умаленіе вѣры на западѣ и переселеніе папъ въ Авиньонъ не позволяли уже активныхъ шаговъ противъ Византіи, и переговоры между папами и императорами до конца имперіи не могли привести къ признанію папской юрисдикціи въ восточной имперіи.

На востокѣ имперіи, послѣ того какъ Персія — этотъ оплотъ аріискаго міра противъ народовъ Азіи — была разрушена арабами, турки сначала просачивались въ арабскую имперію, подобно тому какъ нѣкогда германцы проникали въ римскую, потомъ захватили начальственные посты въ войскахъ падающей арабской имперіи и, избравъ своимъ главой Сельджука, достигли византійскихъ границъ, овладѣли Арменией, Антиохіей и почти всею Малою Азіей. На нѣкоторое время крестоносцы сосредоточили все вниманіе мусульманскаго міра на Іерусалимѣ, а нашествіе монголовъ разрушило имперію сельджукидовъ. Когда, послѣ 200-лѣтней остановки, турки (османы) предприняли свое наступленіе на имперію, то столкнулись сначала не съ византійцами, а съ славянами. Болгары, отвовавшие въ 1186 г. свою независимость, утраченную ими при Василѣ II, образовали большую влахо-болгарскую имперію, которая однако съ 1257 г. начала разлагаться. Счастливы были сербы. Основанное въ 1165 г. сербское государство, въ половинѣ XIV в. обнимало почти весь Балканскій полуостровъ, оставляя грекамъ лишь Морею, Фессалоники, Халкидику и часть Фракіи къ востоку отъ нижней Марицы. Въ то же время турки отняли всю Малую Азію и, занявъ Галлиполи, вступили на нижней Марицѣ въ непосредственное соприкосновеніе съ сербами. Они хорошо поняли, что имъ сначала нужно раздавить сербовъ, и оставили на время въ покоѣ Византію и трапезунтскую имперію, поддерживая, впрочемъ, въ то же время, внутреннія смуты въ Византіи. Наконецъ давно уже сдвигавшіеся роковые тиски сжались, и византійская имперія исчезла навсегда.

Таковъ широкій фонъ картины, нарисованный г. Пьеромъ Гренье въ его «Evolution». На этомъ широкомъ фонѣ выступаетъ богатство свѣдѣній изъ разныхъ областей историческаго значенія, но, въ то же время, и немало промаховъ и, пожалуй, легкомысленной жестокости въ обращеніи съ историческими фактами. Въ особенности изобилуетъ неточностью первая глава I тома, посвященная эволюціи церкви, какъ одной изъ социальныхъ силъ имперіи.

На стр. 5 говорится, что въ началѣ установленія христіанства, когда всякій христіанинъ могъ исполнять священныя функціи, христіане въ своихъ собраніяхъ избирали для этой цѣли одного изъ своей среды, по-

томъ, такъ какъ одни и тѣ же лица были избираемы нѣсколько разъ, ихъ и облекли окончательно этими функціями. Во II в. образовались собранія по діецезамъ (а діецезъ, какъ пояснено въ примѣчаніи, соотвѣтствовалъ городу съ его округомъ), въ половинѣ III в. собранія провинціальныя. . . . Въ началѣ при составленіи провинціального собора, председателемъ этого собранія былъ епископъ того города, гдѣ засѣдалъ соборъ (это былъ вообще значительный городъ имперіи); потомъ это правило не всегда было соблюдаемо и председатель часто избирался провинціальнымъ духовенствомъ. — Все это далеко не соотвѣтствуетъ дѣйствительной исторіи, которая не знаетъ какихъ либо правилъ о многократныхъ избраніяхъ однихъ и тѣхъ же лицъ въ епископы, о соборахъ духовенства, подчиненнаго епископу, и о выборѣ председателя членами провинціального собора.

На стр. 14 говорится, что никейскій соборъ призналъ за епископомъ римскимъ высшій рангъ надъ александрійскимъ и антiохійскимъ. Это столь же неточно, какъ и то, что говорится въ примѣчаніи на этой страницѣ, будто никейскій соборъ призналъ три патріархата: римскій для Европы, александрійскій для Африки и антiохійскій для Азіи. Между тѣмъ выше, на стр. 10 — 11, было сказано, что въ моментъ признанія христіанства обнаружились въ церкви распри вслѣдствіе порока, присущаго ея организаціи — отсутствія высшей надъ патріархами власти. И такъ какъ, по словамъ автора, императоры оказались безсильны овладѣть правительствомъ церкви, то патріархи Рима, Карѳагена, Константинополя, Александріи и Антіохіи старались, каждый, получить перевѣсъ надъ другими и наполняли своими борьбами первыя времена исторіи церкви. Чтобы «карѳагенскій патріархъ» претендовалъ когда-либо на первенство предъ другими патріархами, это, кажется, до сихъ поръ никому еще не приходило въ голову и есть нѣчто абсолютно-недоказуемое. Нѣтъ достаточнаго основанія предполагать таковую претензію и въ антiохійскомъ епископѣ, хотя авторъ настолько увѣренъ въ ней, что образъ дѣйствій Рима по отношенію къ св. Аванасію объясняетъ именно желаніемъ не допустить роста Антіохіи, какъ и вообще авторъ грѣшитъ противъ исторической объективности, объясняя образъ дѣйствій Рима въ эпоху вселенскихъ соборовъ единственно и исключительно политикой и не допуская мысли, чтобы римскій епископъ когда-либо могъ быть дѣйствительно убѣжденъ въ правильности той или другой догматической формулы. Вскорѣ по признаніи христіанства, говоритъ авторъ, возгорѣлась борьба между Александріей и Антіохіей, которая была въ сущности продолженіемъ стариннаго соперничества между Сиріей и Египтомъ, датирующаго со времени Селевкидовъ и Лагидовъ и проявившагося теперь въ вопросахъ религіознаго порядка. Церковь антiохійская вмѣшивается въ избраніе Аванасія на александрійскую кафедру и устраиваетъ соборы въ Тирѣ и въ Кесаріи, входившихъ въ сферу антiохійскаго вліянія, а римскій патріархъ, опасаясь, чтобы сила его антiохійскаго коллеги не разби-

лась вслѣдствіе этихъ событій, принялъ сторону Аѳанасія (стр. 13). Изъ исторіи извѣстно, что преемники св. Аѳанасія, александрійскіе епископы, эти новые «фараоны», какъ ихъ удачно называютъ въ нѣмецкой и французской литературѣ, дѣйствительно выступили съ нескрываемымъ стремленіемъ къ преобладанію, и уже на II вселенскомъ соборѣ, т. е. къ моменту прекращенія аріанской смуты, Александрія хотѣла навязать Константинополю своего кандидата въ лицѣ Максима Циника, интригуя въ тоже время противъ св. Григорія Назіанзена. А что касается эпохи аріанской смуты, предшествовавшей II вселенскому собору и падающей главнымъ образомъ на царствованіе императора Констанція, то центромъ сопротивленія собору никейскому и оппозиціи св. Аѳанасію, какъ это хорошо разъяснено Дюшеномъ (Duschesne, *Autonomies ecclesiastiques*, Paris, 1896, p. 170 sqq.), былъ не епископъ антиохійскій, а епископъ никомидійскій, или, еще правильнѣе, епископъ императорскаго двора, гдѣ бы ни резидировалъ императоръ — въ Никомидіи, въ Антиохіи или въ Константинополѣ. Нѣтъ также основанія утверждать, какъ это дѣлаетъ авторъ, что восточные епископы бѣжали изъ Сардики въ Филиппополь вслѣдствіе того, что дебаты на сардикскомъ соборѣ приняли характеръ настоящаго насилія; они бѣжали раньше чѣмъ могли бы состояться какіе бы то ни было соборные дебаты. А говоря объ ефесскомъ соборѣ, авторъ сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія: «утомленные борьбой, Іоаннъ, примасъ Антиохіи, и св. Кириллъ заключаютъ миръ; константинопольскій патріархъ (т. е. Несторій) не былъ этимъ удовлетворенъ; онъ желалъ полной побѣды, и ему удастся добиться императорскаго повелѣнія о томъ, чтобы Кириллъ снова прибылъ въ Ефесъ; ему угрожаютъ здѣсь (т. е. въ Ефесѣ) муниципальные магистраты, и онъ спасается оттуда и возвращается въ Александрію; но въ Константинополѣ часть духовенства, монахи, и народъ враждебны Несторію, и этотъ послѣдній, оставленный (паствой), долженъ былъ отречься» (стр. 17). Изъ исторіи извѣстно, что для Константинополя былъ посвященъ новый епископъ, вмѣсто Несторія, въ лицѣ Максиміана, еще раньше чѣмъ состоялся императорскій указъ, повелѣвающій епископамъ той и другой партіи разойтись по домамъ, что миръ между Іоанномъ и Кирилломъ заключенъ былъ лишь по истеченіи довольно продолжительнаго времени (около двухъ лѣтъ) послѣ распушенія собора, и что никакого послѣ этого путешествія въ Ефесъ Кириллъ не предпринималъ.

Мы узнаемъ далѣе отъ автора, что въ эпоху аріанства, такъ какъ каждый изъ значительныхъ городовъ востока имѣлъ большею частію двухъ епископовъ — аріанина и православнаго, то Римскій епископъ «давалъ инвеституру» этому послѣднему, тогда какъ императоръ давалъ таковую первому (стр. 12), и что позднѣйшіе императоры, для того чтобы избраніе епископовъ не могло ускользнуть отъ ихъ власти, установили такой порядокъ, по которому посвященіе епископа могло состояться лишь при наличности императорской «грамоты» (*tout évêque ne put être ordonné*

qu'avec des lettres patentes de l'empereur). Можно сказать навѣрное, что такихъ общихъ порядковъ и общихъ правилъ никогда не существовало.

На стр. 31 и 213 невѣрно говорится, что римскіе епископы, наравнѣ съ константинопольскимъ, александрійскимъ и антiохійскимъ патріархами, присоединились къ эктесису Ираклія и къ типу Константа. Столь же невѣрно утвержденіе автора, что возвышеніе епископа іерусалимскаго было однимъ изъ средствъ, которыми греки боролись противъ супрематiи папской, подобно тому какъ созданіе архіепископства равеннскаго въ Италіи было направлено къ этой цѣли. Ни на первомъ, ни на четвертомъ вселенскихъ соборахъ никому не могли придти въ голову разсужденія, которыя придумалъ авторъ: Іерусалимъ-де есть городъ І. Христа, тогда какъ Римъ есть лишь городъ, посѣщенный апостоломъ Петромъ; но Іерусалимъ принадлежитъ къ имперіи, его императоръ имѣетъ право управлять христіанскою церковью! (стр. 31).

Много и другихъ неожиданныхъ свѣдѣній можно почерпнуть изъ разбираемаго сочиненія, напр. что на соборѣ 869 г. греки приняли *Filioque* (стр. 206), а на соборѣ 879 г. состоялась унія между церквями (стр. 41), что, послѣ того какъ Цимисхій порвалъ съ Римомъ, константинопольскій патріархъ былъ объявленъ вселенскимъ (стр. 43), что послѣ того какъ папа Александръ III, прервавъ переговоры съ Мануиломъ Комниномъ объ уніи, примирился съ Барбароссой, окончательно провозглашено было раздѣленіе перквей (стр. 46). Не служатъ также къ украшенію «религіозной эволюціи» такія бездоказательныя и даже научно-недоказуемыя положенія, какъ напр. что І. Христосъ заимствовалъ Свое ученіе о Богѣ у Есеевъ (стр. 183 и 201), или что христіанское ученіе, родившееся среди народа іудейскаго, на границахъ міра греческаго, египетскаго и персидскаго, заимствовало у іудеевъ ихъ Библію, у греческой философіи ея фундаментальныя идеи, а у религіи египетской и религіи Зороастра ихъ главные догматы (стр. 195—196). Преисполнена натяжекъ «моральная эволюція». Авторъ распространяется о законахъ, относящихся къ браку, къ семьѣ, къ наслѣдованію, видя въ нихъ почему-то торжество индивидуализма надъ солидарностію и усматривая въ нихъ нѣчто характерное для «византійскаго соціального существа», между тѣмъ какъ до сихъ поръ видѣли въ нихъ (и совершенно основательно) заключительную фазу въ развитіи римскаго права.

Едва ли также правильно всѣ административныя пороки византійской имперіи считать характерными для византійскаго именно соціального существа, такъ какъ многіе изъ нихъ характеризовали всю римскую имперію вообще.

На стр. 84 и 85 неточно передается смыслъ новеллъ Романа I и Василія II, направленныхъ къ защитѣ крестьянскаго землевладѣнія отъ властельскихъ захватовъ. Романъ I никогда не устанавливалъ максимальнаго числа 8—10 монаховъ для монастырей, да и Василій II не это говорить. Василій II запретилъ митрополитамъ и епископамъ захватывать

и отдавать въ даръ какимъ либо особамъ деревенскіе молитвенные дома, при которыхъ существовали два или три монаха, подъ тѣмъ предлогомъ, что это монастыри, а захваченные повелѣлъ возвратить сельчанамъ. Число монаховъ при такихъ молитвенныхъ домахъ должно оставаться такое, какое было раньше, а на случай, если-бы митрополиты и епископы, въ обходъ закона, отправили въ такіе сельскіе храмы и больше 8 — 10 монаховъ, все равно такіе храмы предъ лицомъ закона будутъ считаться не монастырями, а молитвенными домами, и земля ихъ будетъ считаться за сельчанами, а не за митрополитами и епископами. Напротивъ, если уже въ данный моментъ въ дѣйствительности существуютъ въ селеніяхъ монастыри, составившіеся такимъ образомъ, что въ нихъ постригались многіе изъ сосѣдей, пожертвовавъ въ нихъ свои поземельные участки, такъ что образовались большіе монастыри, имѣющіе болѣе 8 или 10 монаховъ, то и законодатель будетъ смотрѣть на нихъ, какъ на монастыри, находящіеся подъ властію и въ распоряженіи епископовъ и митрополитовъ, которые слѣдовательно могутъ и дарить и продавать ихъ кому угодно, хотя и оговаривается, что это, можетъ быть, несогласно съ строгимъ правомъ (*Zachariae, Jus graeco-romanum* P. III, coll. III, nov. 28). Развѣ это значить, что въ монастырѣ должно быть и болѣе 8—10 монаховъ?

Авторъ не имѣетъ никакихъ сомнѣній въ томъ, что императрица Зоя, бывшая ранѣе замужемъ за Романомъ Аргиромъ и Михаиломъ Пафлагонемъ, вступила въ бракъ съ роднымъ племянникомъ Пафлагона Михаиломъ V Калафатомъ (II т. стр. 38), такъ что бракъ ея съ Константиномъ Мономахомъ былъ уже четвертымъ по счету бракомъ. Рѣшительно невѣроятно, чтобы бракъ въ близкой степени свойства, и въ особенности четвертый бракъ, безусловно отвергнутый и осужденный соборомъ 920 г., могли состояться, не вызывая въ Византіи никакихъ смутъ и столкновеній, а между тѣмъ исторія ничего не говоритъ о какихъ-либо соблазнахъ и спорахъ по поводу браковъ Зои.

Нерѣдко историческія свѣдѣнія, сообщаемыя авторомъ, сбивчивы и противорѣчивы. Такъ въ одномъ мѣстѣ говорится, что при Юстиніанѣ, исполненномъ абсолютистскихъ идей, администрація частныхъ имуществъ императора слилась съ администраціей государственной казны (II т. стр. 67), а въ другомъ мѣстѣ, при исчисленіи министерствъ, существовавшихъ въ X в., въ числѣ пяти министровъ упоминаются великій логоетъ государственной казны и логоетъ частной казны императора (II, 81). Въ одномъ мѣстѣ говорится, что *praefectus praetorio* существовалъ до конца имперіи (II, 74), а на слѣдующей страницѣ сообщается, что префектъ преторіи въ половинѣ VII в. исчезъ. Если послѣднее, по связи рѣчи, относить только къ Италіи, а первое къ Африкѣ, то все таки непонятнымъ остается, какимъ образомъ въ Африкѣ, очень рано завоеванной магометанами, могъ держаться до конца византійской имперіи византійскій имперскій сановникъ. Въ одномъ мѣстѣ (I, 153) говорится, что

царствованіе Юстиніана было гибельно для земледѣлія, промышленности и торговли, и что населеніе было обложено многочисленными налогами на покрытіе военныхъ расходовъ и издержекъ по сооруженію многочисленныхъ памятниковъ (послѣднее притомъ авторъ объясняетъ единственно желаніемъ Юстиніана польстить тщеславію византійскаго народа — I, 262). А на стр. 154 — 155 авторъ вынужденъ признаться, что нѣкоторыя мѣры Юстиніана были благопріятны для экономическаго развитія византійской имперіи, каковы введеніе культуры шелковичнаго червя, открытіе торговаго пути грекамъ и сирійцамъ въ Италію (благодаря завоеванію послѣдней Юстиніаномъ) и даже вообще поставленіе грековъ въ положеніе хозяевъ западной части Средиземнаго моря.

Говоря объ отношеніяхъ папства къ Византіи въ эпоху крестовыхъ походовъ, Гренье (I, 44—55) насчитываетъ три попытки папъ распространить свою юрисдикцію на востокъ, съ каковою цѣлью ими направлень былъ на имперію потокъ западныхъ народовъ. Въ дѣйствительности дѣло стояло гораздо сложнѣе и требовало изображенія болѣе тонкими и мѣткими чертами, чѣмъ тѣ шаблонныя и несоотвѣтствующіе исторіи штрихи, которыми ограничился авторъ. Въ это время существовало не лишенное интереса и однако мало интересующее, или даже совсѣмъ не интересующее науку международнаго права, средневѣковое международное право, въ которомъ дѣйствующими силами были двѣ имперіи—восточная (греческая) и западная (германская), изъ которыхъ каждая себя одну считала законнымъ продолженіемъ римской имперіи, на другую смотря, какъ на неправомѣрный фактъ, какъ на незаконную узурпацію, и третья міровая сила—папство, т. е. въ сущности третій цезарь въ первосвященническомъ облаченіи, который желалъ для себя самого создать универсальную духовную имперію. Съ этой точки зрѣнія, папы всегда должны были отрицательно относиться ко всякимъ попыткамъ поглощенія одной имперіи другою, все равно, греческій ли императоръ (какъ Комнинъ) вознамѣрился бы соединить на своей головѣ короны западную и восточную, или германскій императоръ вздумалъ бы овладѣть тою и другою, потому что и въ томъ и въ другомъ случаѣ папѣ одинаково грозило бы зависимое положеніе перваго епископа имперіи. Папы хорошо знали, къ чему приводило зависимое положеніе Рима отъ Византіи въ царствованія Констанція, Юстиніана, Константа II, Льва Исавра; но они хорошо также понимали, что и германскій императоръ могъ сдѣлаться такимъ же притѣснителемъ. Для распространенія своей духовной власти на востокъ, папа, конечно, использовалъ не одинъ только путь уніи, но и путь завоеванія самой имперіи силою латинскаго оружія; но для папъ важно было, чтобы завоеваніе было сдѣлано какимъ либо менѣе сильнымъ западнымъ государемъ, чѣмъ германскій императоръ. Отсюда объясняется поддержка папой норманновъ въ ихъ завоевательныхъ планахъ, направленныхъ на востокъ, а также и позднѣйшихъ сицилійскихъ королей—продолжателей норманнской политики. Но отсюда же объясняется и то, что папа не разъ

спасалъ Византію отъ западнаго нашествія, какъ скоро видѣлъ, что завоеватель. (будь это даже сицилійскій же король) сдѣляется опаснымъ для папства. Не считая норманнскихъ королей, какъ напр. Рожера II, основавшаго норманнское государство въ Южной Италіи, воинственное предпріятіе котораго папа не поддержалъ своимъ авторитетомъ, папство боролось съ завоевательными замыслами Генриха VI, соединившаго на своей головѣ западно-императорскую и сицилійскую короны, а также Карла анжуйскаго, хотя этотъ послѣдній былъ призванъ въ Сицилію самимъ папой для борьбы съ ненавистными ему Гогенштауфенами. Сицилійскія вечерни, какъ извѣстно, уничтожили Карла анжуйскаго; но ими не былъ положенъ конецъ имперіалистскимъ планамъ, связывавшихся съ сицилійскою короною. Имперіалистскія идеи жили еще въ головахъ Альфонса аррагонскаго, подъ власть котораго поступили Сицилія и Неаполь послѣ сицилійскихъ вечерней, и Филиппа Красиваго французскаго (племянника Карла анжуйскаго). Все это очень хорошо разъяснено въ книгѣ Нордена (Walter Norden, Das Papstthum und Byzanz. Die Trennung der beiden Mächte und das Problem ihrer Wiedervereinigung bis zum Untergange des byzantinischen Reiches, Berlin 1903). Любопытно, что протестантскій ученый Норденъ къ единственному папѣ, который поступилъ не какъ политикъ, а какъ идеалистъ, не обусловившій западной помощи востоку никакимъ эквивалентомъ въ видѣ какой-либо уніи,—къ Урбану II отнесся едва ли не болѣе сурово, чѣмъ къ кому либо изъ папъ эпохи крестовыхъ походовъ. Не потребовавъ тогда уніи, папа, по мнѣнію Нордена, сдѣлалъ ошибку, и ошибку сугубую, даже съ точки зрѣнія общехристіанскаго интереса: не обусловивъ освобожденія имперіи отъ опасности соглашеніемъ между западомъ и востокомъ относительно раздѣлявшихъ ихъ пунктовъ, папа тѣмъ самымъ создалъ источникъ того разлада между византійцами и крестоносцами, который всего болѣе повредилъ христіанскому дѣлу на востокѣ (стр. 57).

Возможно, что знатоки въ области исторіи византійской литературы, византійскаго искусства и византійской промышленности также найдутъ въ «Эволюціи» Пьера Гренье неточности и неправильности. Не останавливаясь, однако, на вышеприведенныхъ и на другихъ возможныхъ замѣчаніяхъ и возраженіяхъ, мы спрашиваемъ себя, что понимаетъ авторъ подъ «эволюціей», которую онъ желалъ изобразить въ своемъ сочиненіи? Онъ много разъ говоритъ о раздробленіи или расчлененіи государственнаго суверенитета и считаетъ этотъ процессъ коренною причиною той агоніи, которая обнаружилась во всѣхъ областяхъ соціальной жизни имперіи ко времени ея окончательнаго паденія. Такъ на стр. 138-й I т. сказавъ, что въ XIV в. въ византійской имперіи царствовала соціальная анархія, авторъ продолжаетъ: «*Démembrement de la souveraineté de l'empereur au profit de l'Église, des nobles, des grandes villes, luttes dans l'empire entre l'Église et l'empereur, entre la noblesse et l'empereur, entre le peuple et les grands, luttes dans les villes entre le parti démocratique*

et le parti aristocratique, présence et enchevêtrement de nombreuses nationalités étrangères dans l'empire, tel était l'aspect qu'offrait au point de vue sociale l'empire byzantin à la veille de sa chute. Il n'était plus un être social possédant une homogénéité absolue et une cohésion complète; il n'était plus qu'un agrégat social composé d'atomes hétérogènes se dévorant entre eux». Нѣсколько выше говорилось: «Dans l'empire byzantin le démembrement de la souveraineté ne fut pas déterminé seulement par les lois naturelles qui régirent l'évolution sociale de l'être gréco-oriental, mais aussi par l'infiltration d'éléments étrangers dans cet être social, éléments qui modifièrent profondément son sang» (стр. 133). Наконецъ въ своихъ заключительныхъ выводахъ (II т. стр. 280) авторъ говоритъ: «Dans l'empire l'évolution sociale, les événements extérieurs et l'infiltration des peuples étrangers avaient graduellement et concurremment amené le démembrement de la souveraineté, et celle-ci était devenue domaniale; l'empire n'avait plus présenté aucune cohésion sociale pour résister à ses ennemis». Изъ сопоставленія этихъ мѣстъ, повидимому, вытекалъ бы тотъ выводъ, что внутреннюю эволюцію, совершающуюся по «естественнымъ законамъ», слѣдуетъ различать отъ всасыванія или проникновенія чужеродныхъ элементовъ и отъ внѣшнихъ событій. Но такъ какъ естественные законы, управляющіе соціальною эволюціей, остались неизвѣстными для читателя, которому притомъ приходится встрѣчаться въ рассматриваемомъ сочиненіи и съ инфильтраціей чужеродныхъ элементовъ, и съ внѣшними событіями, то проще было бы сказать, что авторъ желалъ дать краткій очеркъ исторіи византійской имперіи за время ея существованія и въ этомъ очеркѣ провести процессъ расчлененія или раздробленія суверенитета, обусловившій собою всестороннюю соціальную агонію Византіи ко времени ея паденія. Но если мы станемъ на эту точку зрѣнія, то испытаемъ не мало затрудненій. Оказывается, что раздробленіе суверенитета началось съ самаго начала существованія имперіи и тянулось за все время ея тысячелѣтняго существованія. Константинъ, основавъ новую столицу, говоритъ авторъ, привлекъ въ нее сенаторовъ, давая имъ земли въ Понтѣ и въ Малой Азіи, которыя для сенаторовъ константинопольскихъ сыграли ту же роль, какъ раньше Африка для сенаторовъ римскихъ (африканскіе saltus). Во время нашествія варваровъ, богатые римскіе сенаторы спасались на востокъ, гдѣ императоры давали имъ земли въ Малой Азіи. Мало по малу аристократія проникла внутрь этого полуострова, гдѣ, вслѣдствіе малаго развитія земледѣлія, она могла выкраивать себѣ огромные домены,—позднѣе Малая Азія и сдѣлалась центромъ сопротивленія аристократіи византійскимъ императорамъ. Между тѣмъ какъ въ провинціяхъ акція императорской власти давала себя чувствовать слабо, аристократія напротивъ тамъ-то и давала чувствовать свою тиранию и свое всемогущество, насильственно завладѣвая мелкою собственностію, или заключая съ мелкими собственниками львиный договоръ, въ силу котораго собственность переходила къ крупному землевладѣльцу,

а мелкій становился подъ его *patrocinium*. Обыкновенные судьи и сборщики податей не проникали въ такія имѣнія, такъ какъ домены не входили въ территорію городскихъ округовъ, составляя особую территорію, и вся тяжесть налоговъ падала на населеніе городскихъ округовъ и на несчастныхъ куріаловъ. Крупные землевладѣльцы имѣли свои *sarceres privatos*, настоящія войска изъ вооруженныхъ рабовъ и т. д. (I, 103 и сл.).

Разсматривая третью фазу или третій періодъ византійской имперіи (т. е. отъ половины IX до половины XI в.), Гренье говоритъ, что въ началѣ этого періода уже не только аристократія, но обѣ социальныя силы (т. е. вмѣстѣ и церковь) были болѣе могущественны, чѣмъ когда либо, и что обѣ онѣ, поглощая въ свою пользу мелкую собственность, вели имперію къ раздробленію суверенитета (*les deux puissances sociales, absorbant à leur profit les petites propriétés, conduisaient l'empire au démembrement de la souveraineté*—II, 274).

О четвертой фазѣ или четвертомъ періодѣ говорится тоже самое «*les deux puissances sociales ayant continué à absorber la petite propriété, l'évolution sociale conduisait peu à peu au démembrement de la souveraineté*». Но здѣсь авторъ вынужденъ добавить: «*cette évolution avait été précipité par l'établissement de l'empire latin*» (II, 279). Борьба императоровъ съ этою эволюціей, по словамъ автора, была безуспѣшна, а борьба эта началась, какъ извѣстно, съ самаго начала существованія христіанской римской имперіи. Законы, направленные противъ *personae potentiores* и противъ *patrocinium'a*, можно найти не только въ кодексахъ и въ новеллахъ Юстиніана, но и въ кодексахъ Ѳеодосіевскомъ. Выходитъ такимъ образомъ, что византійская имперія, за все время своего существованія, стремилась къ разложенію, что попытки императоровъ задержать этотъ разрушительный процессъ были безуспѣшны, а имперія все таки не разлагалась, пока процессъ не былъ ускоренъ латинскимъ завоеваніемъ востока. И странно еще то, что раздробленіе суверенитета съ чертами западнаго феодализма проявилось не въ Малой Азіи и не въ Понтѣ, гдѣ издавна находились огромныя владѣнія Фокъ, Склеровъ и другихъ «*Reichsfürsten*», какъ называлъ ихъ Гэререръ, а на югѣ Балканскаго полуострова, бокъ о бокъ съ основанными тамъ латинскими феодальными государствами. Авторъ, кромѣ того, забываетъ, что Никифоръ Фока и Іоаннъ Цимисхій проложили себѣ дорогу къ престолу не крупнымъ землевладѣніемъ, а какъ люди, располагавшіе военною репутаціей и силой, что Варда Фока и Варда Склеръ выступали претендентами на императорскій престолъ не въ качествѣ крупныхъ землевладѣльцевъ, которые желали бы добиться независимости отъ имперіи, а въ качествѣ наследниковъ предшествовавшаго императора, желавшихъ сдѣлаться единственными императорами, что наконецъ Комнины и даже Палеологи, въ лицѣ которыхъ, по словамъ автора, землевладѣльческая аристократія овладѣла императорскимъ престоломъ, не обнаруживали никакой склонности поощрять какія либо центробѣжныя усилія крупныхъ землевладѣльцевъ.

Какіе бы захваты ни дѣлались крупными землевладѣльцами въ области публичной, они всегда были и оставались узурпаціей, не освященною закономъ или общественнымъ правосознаніемъ. Фактическое же самоуправство и произволъ возможны и въ такомъ государствѣ, въ которомъ не совершается никакой «эволюціи» въ смыслѣ склонности къ раздробленію суверенитета. Напр. *carceres privati* существовали въ противность императорскому запрещенію (l. 1 Cod. Th. IX, 11). Гренье ссылагается (I, 104) на законъ Юстиніана (имѣется въ виду очевидно с. 2 nov. 80, хотя авторъ, по обыкновенію, воздерживается отъ точныхъ цитатъ), которымъ будто бы признана была за сенаторами-землевладѣльцами въ собственномъ смыслѣ юрисдикція надъ людьми ихъ доменовъ. Въ означенномъ законѣ дѣйствительно говорится о колонахъ (γεωργοὶ τελοῦντες ὑπὸ δεσποτείας), что если они будутъ являться въ столицу къ своимъ господамъ, проживающимъ здѣсь, съ просьбами, то требуется, чтобы господа скорѣе разрѣшали тѣ дѣла, изъ за которыхъ они прибыли, и немедленно отпускали ихъ, какъ только они получаютъ свои права (ἑἴττω αὐτοῖς διακρίνειν τὰ ἐφ' οἷς ἄφικοντο πρᾶγματα, καὶ ἐκπέμπειν αὐτίκα τοὺς ὄντας τῶν δικαίων). Но, говорится дажѣ, если колоны явятся съ намѣреніемъ вести тяжбы съ господами и вчинать противъ нихъ иски, то большую часть ихъ специально назначенный для наблюденія за этимъ дѣломъ квесторъ долженъ немедленно высылать изъ столицы въ провинцію, оставивъ лишь двоихъ или троихъ для веденія дѣла въ качествѣ синдиковъ, а судья, разбирающему дѣло, строжайше внушить постановить рѣшеніе какъ можно скорѣе, чтобы не заживались по долгу люди, присутствіе которыхъ въ столицѣ излишне, и оторваніе которыхъ отъ земледѣлія причиняетъ вредъ и имъ самимъ, и господамъ. Если даже допустить, что за землевладѣльцами тутъ признается формальная юрисдикція, конкурирующая съ юрисдикціей ординарныхъ органовъ правосудія, то было бы, съ другой стороны, натажкой распространять эту юрисдикцію на всевозможныя дѣла всѣхъ лицъ, живущихъ въ частномъ доменѣ, а признаваемая законодателемъ возможность тяжбъ съ самимъ землевладѣльцемъ передъ императорскимъ судьей окончательно исключаетъ всякую мысль о какомъ-либо поползновеніи захватить, или тѣмъ болѣе признать за землевладѣльцемъ какую либо частицу суверенитета¹⁾.

1) Даже въ отношеніи къ императорскимъ *saltus*, а не только къ доменамъ частныхъ землевладѣльцевъ, вопросъ о независимости ихъ отъ ординарныхъ органовъ имперской власти представляется неяснымъ и спорнымъ. Ср. Lécirvain, *Le Sénat romain depuis Dioclétien à Rome et à Constantinople*, Paris, 1888, въ особенности стр. 117—130; Ad. Schulten, *Die römischen Grundherrschaften*, Weimar, 1896, стр. 108 и сл.; Rud. His, *Die Domänen der römischen Kaiserzeit*, Léipzig, 1896, стр. 15 и сл.; Edouard Beaudoin, *Les grands domaines dans l'empire romain d'après de travaux récents* (въ *Nouvelle revue historique de droit français et étranger*, 1897, № 5; 1898, № 1). Фюстель де Куланжъ, сравнивая римскіе иммунитеты съ меровингскими (*Les origines du système féodal*, Paris, 1890, p. 422) говорить: «rien ne permet de croire qu'elle (т. е. римскій иммунитетъ) interdit au gouverneur de province d'entrer sur la

Распаденіе имперіи на три составныя части при завоеваніи латинянами Константинополя также, повидимому, не состоитъ ни въ какой связи съ землевладѣніемъ. Тутъ дѣйствовали и династическія притязанія Ангеловъ и Комниныхъ, противопоставлявшіяся никейскимъ императорамъ и позднѣе Палеологамъ, и удѣльные порядки славянскихъ государствъ, и феодальные порядки западной Европы, причемъ не лишено интереса и то обстоятельство, что эфирскій деспотъ и трапезунтскій князь заявляли претензіи быть единственными императорами, играя между прочимъ и на струнахъ религіознаго греческаго чувства, послѣ того какъ Палеологи оказались приверженцами уніи, чрезвычайно непопулярной въ населеніи. Такимъ образомъ, если въ Элладѣ и въ Морѣѣ, по словамъ Гренье (I, 118), архонты въ XIII в. не подчинялись императору, осуществляли право частной войны между собою, имѣли вооруженныя войска и крѣпкіе замки, то это явленіе стоитъ въ связи не съ крупнымъ землевладѣніемъ, противъ котораго издавна боролись императоры, а съ западно-европейскимъ феодализмомъ, съ которымъ греки волей-неволей должны были познакомиться. Случалось, что латинскіе князья признавали себя вассалами византійскаго императора (какъ антиохійскіе князья въ отношеніи къ Комнинымъ — Norden, 69. 73), и напротивъ греческіе князья давали ленную присягу латинскимъ государямъ (какъ синопскій и эфирскій князья въ отношеніи къ Генриху константинопольскому, тамъ же, стр. 225). А графъ Бонифаций Монферратскій, почти одновременно съ завоеваніемъ Константинополя латинянами, образовавшій ленное Фессалоникское королевство, роздалъ завоеванныя имъ Фессалію, Беотію, Аттику, часть Пелопоннуса, своимъ вассаламъ (стр. 159). Этимъ непосредственнымъ сосѣдствомъ грековъ съ западно-европейскимъ феодализмомъ гораздо больше, чѣмъ какою либо внутреннею «эволюціею», объясняется то распаденіе восточной имперіи на части, какое наблюдается въ послѣдніе вѣка ея существованія. Тоже самое нужно сказать относительно вѣдываемой авторомъ разсматриваемаго сочиненія эволюціи, которая будто бы привела къ образованію «коммунъ» и «буржуазіи». По его словамъ, коммуна явилась за два или за три столѣтія до упраздненія курій Львомъ Мудрымъ (II, 275). Свободные люди, т. е. средніе классы и мелкіе собственники s'associèrent entre eux dans les villes et dans les campagnes pour s'opposer aux empiètements des grands. Ils formèrent ainsi un organisme social nouveau: la commune qui remplaça la cité sociale antique qui disparut complètement au dixième siècle. L'empereur Léon III au huitième siècle protégea les communes; il voyait dans celles-ci le moyen d'enrager le développement de la noblesse et de l'église (I, 132). Тутъ, очевидно, имѣется въ виду земледѣльческій законъ. Въ настоящее время, однако, становится болѣе и болѣе сомнительнымъ существованіе свободныхъ крестьянскихъ общинъ (см. Пан-

terre de l'immuniste». Ниже будетъ сдѣлано еще одно замѣчаніе о римскихъ и византійскихъ иммунитетахъ.

ченко, Крестьянская собственность въ Византіи, Софія, 1903, стр. 30 и сл.), а о покровительствѣ Льва Исавра городскимъ общинамъ и о самомъ существованіи таковыхъ ничего неизвѣстно. Въ X и въ XI вв., по словамъ автора, коммуны получили мощное развитіе, что доказывается Θεσσαλονικαί, гдѣ въ XIV в. народъ ежегодно избиралъ своихъ администраторовъ и судей, гдѣ судьи постановляли свои рѣшенія на основаніи не законовъ императорскихъ, а мѣстныхъ обычаевъ, и гдѣ въ XV в. партіи демократическая и аристократическая спорили между собою о власти, какъ въ итальянскихъ республикахъ (I, 132—133). Дѣлаемое самимъ авторомъ сравненіе Θεσσαλονικαί съ итальянскими республиками, а равно названіе средняго класса въ Θεσσαλονικαί огреченнымъ западно-европейскимъ терминомъ «βουργέσιον» даетъ видѣть, какъ мало доказательна его ссылка на Θεσσαλονικαί, и какъ мало характерна она для «греко-восточнаго соціального существа».

Отсюда, равно какъ изъ фактовъ, излагаемыхъ ниже, я позволю себѣ сдѣлать тотъ выводъ, что вообще, при изображеніи эволюціи, или, проще говоря, при составленіи обзора византійской исторіи, слѣдовало бы, наряду съ внутреннею эволюціею византійскаго соціального существа, съ инфильтраціею чужеродной крови и съ внѣшними событіями, поставить идейныя и бытовыя западно-европейскія на Византію вліянія. Такъ называемая ученая осторожность, конечно, требуетъ, чтобы замѣчаемыя у разныхъ народовъ аналогіи объясняемы были сходствомъ условий, а не заимствованіемъ или подражаніемъ. Относительно нѣкоторыхъ сходныхъ явленій дѣйствительно возможно сомнѣніе, были ли они плодомъ подражанія, или результатомъ проникновенія въ имперію чужеродныхъ элементовъ. Таково напр. примѣненіе присяги въ дѣлопроизводствѣ VI-го вселенскаго собора и даже чего-то въ родѣ Божьяго суда¹⁾. Но если въ византійскую имперію въ XII в. проникли турниры, заставившіе грековъ

1) См. дѣянія 13, 14 и 15. Именно въ 13 и 14 засѣданіяхъ требовалась присяга въ подтвержденіе подлинности документовъ, а въ 15-мъ упорный монофелитъ—старецъ Полихроній потребовалъ, чтобы ему дали возможность доказать истинность монофелитскаго ученія такимъ способомъ, что онъ положить свое, письменное изложенное, вѣроисповѣданіе на мертвого, и мертвый воскреснетъ. Требованіе это было уважено, и весь соборъ въ полномъ составѣ отпраздновалъ въ помѣщеніе, въ которое принесенъ былъ покойникъ, чтобы присутствовать при этомъ испытаніи истинности ученія, кончившемся, разумѣется, плачевно для Полихронія. Да и вообще вся обстановка VI-го собора заслуживаетъ вниманія: дѣйствуютъ императоръ, сенаторы (патриція и бывшіе консулы) и «святый соборъ». Невольно, приходятъ здѣсь на мысль меровингскіе соборы изъ духовныхъ и свѣтскихъ бароновъ подъ предсѣдательствомъ короля. А императоръ Константинъ Погонатъ могъ быть хорошо знакомъ съ западными порядками. Выбывшій изъ Константинополя безбородымъ юношей и вернувшійся туда возмужалымъ, съ бородою (откуда и прозваніе Πωρυγάτος), Константинъ время своего возмужанія провелъ въ Италіи, а послѣ смерти отца, въ борьбѣ съ узурпаторомъ, пользовался поддержкой папы Витальяна, за что и выражена была признательность императора въ грамотѣ его на имя одного изъ ближайшихъ преемниковъ Витальяна (Mansi, Concil. coll. XI, 195).

забыть даже любезныя имъ игры цирка, и если императоръ Мануиль отличался въ этомъ новомъ родѣ игры, то и самъ Гренье по этому поводу могъ только выразиться (и совершенно правильно): «au douzième siècle le contact des Latins amena l'introduction de coutumes occidentales» (I, 257). Равнымъ образомъ, если монахи одного аеонскаго монастыря въ началѣ XIII в. подчинились Риму, символизировавъ свое подчиненіе вложеніемъ рукъ въ руки римскаго представителя (Pitra, Spicil. Solesm. VI № 54), или если, по словамъ императора Фридриха Барбароссы, константинопольскій патріархъ въ церкви св. Софіи общалъ прощеніе отъ Бога (indulgentiam a Domino) всякому виновному въ убійствѣ десяти грековъ, если онъ убьетъ сто латинскихъ паломниковъ (Norden, 119—120), то тутъ ничего нельзя видѣть, кромѣ подражанія чужому образцу. Но подражаніе или заимствованіе могло быть и не механическимъ, а обдуманнѣмъ, приспособленнымъ къ мѣстнымъ условіямъ и видоизмѣненнымъ. Такъ давно уже и многими замѣчена аналогія между секуляризаціонными мѣропріятіями Карла Мартела, раздавшаго церковныя имѣнія военнымъ людямъ, съ мѣропріятіями византійскихъ императоровъ-иконоборцевъ противъ монастырей. В. Г. Васильевскій (Матеріалы для внутрен. истор. визант. госуд. въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1879, мартъ, стр. 222) едва-ли точно выразился, сказавъ, что «гоненіе на монастыри, начавшееся при Львѣ Исаврѣ и особенно ревностно и безпощадно проводимое его сыномъ Константиномъ Копронимомъ, совпадаетъ по времени, а вѣроятно и по мотивамъ, съ такъ называемой секуляризаціей церковнаго имущества при Карлѣ Мартелѣ и его сыновьяхъ». О полномъ совпаденіи времени нельзя говорить. Иконоборцы не сразу внесли въ свою программу гоненіе на монастыри, а лишь тогда, когда выяснилось, что монастыри суть главный оплотъ пресѣдуемаго ими иконопочитанія, и самый острый характеръ борьба правительства съ монастырями приняла при Копронимѣ (741—775), когда Карла Мартела не было уже въ живыхъ (†741). Разница была и въ томъ, что Карлъ Мартелъ, преслѣдуя государственныя цѣли, не различалъ епископскихъ имѣній отъ монастырскихъ, а византійскіе иконоборцы имѣли въ виду собственно монастыри, и не только имѣнія монастырскія секуляризовали, но и самые монастыри старались упразднить. Въ борьбѣ съ монастырями, иконоборцы естественно воспользовались *готовымъ* западнымъ примѣромъ, раздавъ монастырскія имѣнія вмѣстѣ и съ монастырями свѣтскимъ служилымъ людямъ и обративъ ихъ такимъ образомъ на потребности государства, — въ этомъ послѣднемъ пунктѣ франкскія и византійскія мѣропріятія совершенно совпадали между собою.

Позднѣйшіе византійскіе харистикаріи также имѣютъ для себя западный образецъ. В. Г. Васильевскій (стр. 400—401) совершенно правильно замѣтилъ, что «вопросъ о монастырскихъ имуществахъ принялъ съ начала XI в. совершенно новый видъ... дѣло идетъ о раззореніи монастырей харистикаріями, — такъ именовались свѣтскіе люди, которые получали въ

свое управленіе монашескія обители и особенно монашескія поля, *отчасти отъ духовныхъ властей, отчасти отъ самого императора*. Но дальше уже достопочтенный ученый разсуждаетъ невѣрно: «дѣло опять шло о томъ же, о чемъ хлопотали иконоборцы, и что было совершено на западѣ ихъ современниками, т. е. объ обращеніи церковныхъ земель на потребности и нужды свѣтскаго общества и свѣтскаго государства. Византійскіе харистикаріи¹⁾ въ нѣкоторомъ отношеніи равняются первоначальнымъ франкскимъ бенефициаріямъ, получившимъ надѣлы изъ монастырскихъ земель» и т. д. Новѣйшими изслѣдованіями, въ особенности работами профессора Штутца²⁾, выяснено, что съ IX в. на западѣ сдѣлалось господствующимъ воззрѣніе на церкви, какъ на частную собственность, какъ на такую же составную часть имѣнія, хозяйственную или доходную, каковы мельница, виноградникъ и т. п. Эта, по выраженію Штутца, система собственныхъ церквей, или церквей, находящихся въ частной собственности (*Eigenkirchenwesen*), давала собственнику право распоряжаться церковью по его усмотрѣнію, т. е. или самолично извлекать изъ нея доходы, или представлять ее въ ленъ, дарить, продавать, завѣщать п т. п. Корни этого новаго западно-европейскаго теченія можно пожалуй усматривать въ римской имперіи, гдѣ напр. Юстиніану приходилось воспрещать сдѣлки, въ которыхъ церкви дѣлались предметомъ гражданскаго оборота (нов. VII, с. 11). Но то, что въ римской имперіи было злоупотребленіемъ, на западѣ было освящено правосознаніемъ времени и распространено даже на епископскія церкви. Новое западно-европейское теченіе отразилось и на востокѣ въ XI в. Не трудно видѣть, что между раздачей церковныхъ имѣній свѣтскимъ лицамъ Карломъ Мартеломъ или иконоборцами съ одной стороны и харистикаріями съ другой была огромная разница: и Карлъ Мартель, и иконоборцы дѣйствовали въ интересахъ государства, и распоряжалась церковными имѣніями государственная власть, а византійская харистикарнѣя система клонилась къ выгодѣ жалуемыхъ лицъ, и пожалованіе могло исходить не отъ императора только, а и отъ духовныхъ властей. Недаромъ въ вышеприведенномъ законѣ Василія II (стало быть даже раньше XI в.) говорилось о митрополитахъ и епископахъ, захватывающихъ или присвоивающихъ себѣ церкви, устроенныя въ селеніяхъ, съ тѣмъ чтобы дарить и передавать ихъ кому угодно. Стало быть, юридическая сущность дѣла состояла въ томъ, что кто дарилъ и передавалъ, смотрѣлъ на передаваемое, какъ на свою собственность, которою онъ распоряжался къ выгодѣ лица получающаго, а не въ какихъ либо публичныхъ интересахъ. Съ внѣшней стороны, харистикарнѣя

1) Отмѣтимъ, кстати, что въ Книгѣ правилъ съ толкованіями, изд. Общ. любит. духов. проsv., слово «*Χαριστικαίριοι*» переведено: «монахи, живущіе на содержаніи монастыря!» (см. толков. Вальсам. къ 19 пр. VII всел. соб.).

2) Stutz, *Die Eigenkirche als Element des mittelalterlich germanischen Kirchenrechtes*. Berl. 1895. Его же, *Geschichte des kirchlichen Beneficialwesens von seinen Anfängen bis auf die Zeit Alexanders III*, Berl. 1895.

система скрашивалась соображеніями о пользѣ, которую принесетъ харп-стикарій пришедшему въ упадокъ монастырю; но насколько эта прикраса не соотвѣтствовала дѣйствительности, краснорѣчиво изображено въ синодальномъ постановленіи конст. патріарха Алексѣя 1027 г. (см. Васильевскій, н. с. стр. 401) и въ Λόγοςъ патріарха антиох. Іоанна конца XI в. (см. въ моей рец. сочин. Голяя, Виз. Времен. 1899, стр. 36—37). Но, безъ сомнѣнія, могли существовать и добросовѣстные харистикаріи, благодаря попеченію которыхъ упавшіе монастыри дѣйствительно приходили въ цвѣтущее состояніе,—этимъ только и можно объяснить, почему просвѣщеннѣйшій и ученѣйшій изъ греческихъ іерарховъ XII в. Евстацій Солунскій находилъ харистикарную систему полезною для монастырей и монаховъ (Васильевскій, 413), и почему Вальсамонъ неодобрительно отнесся къ Λόγοςу Іоанна антиохійскаго (толков. къ 13 пр. VII всел. соб.).

Съ той же точки зрѣнія, т. е. какъ на подражаніе западному образцу, мы должны смотрѣть на византійскіе иммунитеты. Фюстель де Куланжъ, разсуждая о *mundeburdium* и о меровингскомъ иммунитетѣ, какъ объ одномъ изъ источниковъ позднѣйшаго феодальнаго режима (о. с. 422), спрашиваетъ, изъ Германіи ли онъ происходитъ, и отвѣчаетъ: «нѣтъ, онъ ни римскій, ни германскій, на него нужно смотрѣть, какъ на фактъ, возникшій изъ безпорядковъ VI в.». Если бы знаменитому ученому было знакомо византійское право, то онъ, вѣроятно, высказался бы за германское происхожденіе иммунитета. Римское право также знало иммунитетовъ, но самъ же Фюстель де Куланжъ кратко и ясно указалъ разницу между римскими и франкскими иммунитетами. Въ римской имперіи были два рода иммунитетовъ: собирательные и индивидуальные. Собирательные или коллективные иммунитеты принадлежали въ силу самаго закона, *ipso jure*, извѣстнымъ категоріямъ или классамъ лицъ, каковы *palatini* (т. е. дворцовые чиновники, завѣдывавшіе канцеляріями), *agentes in rebus* (посылавшіеся императоромъ въ провинціи), люди свободныхъ профессій (медики, учителя и пр.), люди нѣкоторыхъ промышленныхъ профессій (*navicularii* и др.). По существу, римскій иммунитетъ былъ изъятіемъ отъ муниципальных тягостей, отъ *honores* (т. е. отъ должностей, дорого стоившихъ), отъ муниципальных налоговъ, отъ *munera sordida* и отъ нѣкоторыхъ *publica munera* (постой, военная служба); но регулярные налоги, какъ напр. поземельный, поголовный (*capitatio*), не обнимались иммунитетомъ, а что касается юстиціи, то иммунитетъ могъ освобождать отъ низшаго судьи (*iudex pedaneus*), но никогда не отъ высшаго. Въ императорскую эпоху давались и индивидуальные или личные иммунитеты, проистекавшіе изъ личной милости государя, но о нихъ мы очень мало знаемъ, и самое большое, что можно предполагать въ нихъ, это—изъятіе отъ налоговъ, а никакъ не отъ суда (стр. 420—422). Напротивъ меровингскій иммунитетъ—всегда индивидуальный. Иммунитетъ, не переставая быть подданнымъ короля, выдѣлялся изъ ряда другихъ поддан-

ныхъ, вступая въ особое отношеніе вѣрности и въ тоже время сосредоточивая въ своихъ рукахъ всю публичную власть (финансовую, судебную, военную) надъ населеніемъ своего имунитетнаго округа, съ устраненіемъ всякаго вторженія въ этотъ округъ со стороны ординарныхъ королевскихъ органовъ (424). И вотъ мы видимъ, что въ византійской имперіи съ XI в. являются имунитеты и имунитетныя грамоты въ пользу опредѣленныхъ лицъ и учреждений съ тѣмъ же подробнымъ перечисленіемъ отдѣльныхъ тягостей, отъ которыхъ освобождаются имуниты, и съ тѣмъ же воспрещеніемъ органамъ императорскаго правительства вторгаться въ предѣлы имунитетнаго округа, какія наблюдаются въ западныхъ имунитетныхъ грамотахъ съ VII в. ¹⁾. По моему мнѣнію, невозможно установить историческую связь между этими позднѣйшими византійскими имунитетами и имунистами римскаго права. Если даже и предположить, что германскій имунитетъ имѣетъ римскіе корни, то въ Византію онъ перешелъ уже во франкскомъ образѣ. И это тѣмъ болѣе необходимо допустить, что другое германское юридическое понятіе, тѣснѣйшимъ образомъ связанное съ имунитетомъ—*mundeburdium*, *tuitio*, *defensio*, также перешло въ Византію. По германскимъ понятіямъ, имунитетъ, обязывавшійся вѣрностію королю, принимался въ тоже время подъ особое покровительство или защиту короля. Римской имперіи подобная идея была неизвѣстна: защита властію не была привилегіей какихъ либо отдѣльныхъ лицъ, а обезпечивалась для всѣхъ такими общими мѣропріятіями, какъ учрежденіе должности дефензоровъ, предоставленіе права и возможности епископамъ останавливать произволъ и притѣсненія, предписанія о доведеніи до свѣдѣнія императора. А въ византійской имперіи XIII и XIV вв. мы какъ разъ встрѣчаемъ *δεφεύδουσις*, въ смыслѣ принятія императоромъ подъ его особую защиту извѣстныхъ учреждений ²⁾. Встрѣчаются даже грамоты патріарха, въ которыхъ обезпечивается его *δεφεύδουσις* покровительствуемымъ имъ учрежденіямъ ³⁾. Фюстель де Куланжъ, разсуждая о связанной съ имунитетомъ *tuitio*, *defensio*, говоритъ: «ces idées étaient-elles germaniques ou romaines, on ne saurait le dire, car d'une part, on ne peut les constater ni dans ce qu'on sait de l'ancienne Ger-

1) См. у Zachariae v. Lingenthal въ *Ius gr.-rom.* P. III coll. 4, nov. 58 и 61, coll. 5, nov. 11, 15, 17, 28, 51 и въ *Acta et diplomata monasteriorum et ecclesiarum orientis* Миклошича и Мюллера, т. I, № 1; т. II, №№ 7 и 12; т. III, №№ 1 и 5 въ числѣ актовъ монастыря Іоанна Богослова на островѣ Патмосѣ.

2) См. въ *Acta patriarch. Constantinop.* Миклошича и Мюллера, т. III, № 37 и 38, въ *Acta monaster. et eccles.* т. I, № 155 и 178, т. II, акты монастыря Іоанна Крестителя.

3) *Acta patriarchatus*, № 426. Патріархъ дѣлалъ тоже, что дѣлалъ папа на западѣ, принимая подъ свою защиту или рекомендуя королю принять подъ защиту извѣстное учрежденіе, о чемъ въ Византіи не могли не знать. См. Aug. Theiner, *Vetera monumenta Slavorum meridionalium historiam illustrantia*, tom. I, №№ 119, 176, 232, 272, 357, 401, 557, 558, въ которыхъ документируется папская коммendaція различныхъ лицъ и учреждений на Балканскомъ полуостровѣ и въ Трапезунтской имперіи.

manie, ni dans ce qu'on sait de l'empire romain; et d'autre part, on les voit régner, au VII siècle, aussi bien chez l'une que chez l'autre race. Il est possible qu'elles soient venues à l'esprit des hommes à la suite du désordre général qui accompagna les invasions. Elles grandirent à mesure que l'autorité publique s'affaiblit. Elles prirent de la force dans les interminables guerres civiles des princes mérovingiens» (стр. 400). Принимая во внимание позднейшую византийскую *defendousis*—несомненный плод заимствования с запада, можно утверждать, что иммунитет и дефензия выросли на западе, и именно на германской почве. Унаследованные византийскою имперіею от римской административные пороки, какъ-то притѣсненіе слабыхъ сильными, произволъ чиновниковъ, несправедливость судей, задолго до XIII или даже до XI в. давали себѣ чувствовать, и однако никакихъ жалованныхъ грамотъ не было, пока онѣ не явились въ несомнѣнно германскомъ видѣ, хотя и съ приспособленіемъ къ византийскимъ условіямъ жизни, напр. къ византийскому финансовому праву. О римскихъ корняхъ иммунитета можно говорить не въ большей мѣрѣ, какъ въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ, указываемыхъ самимъ Куланжемъ, когда напр. онъ сопоставляетъ *comites* или *amici principis* съ западными вассальными графами (стр. 231 и сл.), или, когда, говоря о германскихъ композиціяхъ, замѣчаетъ, что и римское право не игнорировало совершенно цѣны деликта, допуская иногда возможность соглашенія между виновнымъ и потерпѣвшимъ, что у римскихъ писателей Виргилія, Цезаря, Плинія встрѣчается самый терминъ «*componere*», а въ fr. 230 D. L, 16 говорится о «*transactio composita*» (*Recherches sur quelques problèmes d'histoire*, Paris, 1894, p. 467). Но за убійство, соглашается Фюстель де Куланжъ, не могло быть никакой оцѣнки въ римскомъ правѣ, а у германцевъ композиція примѣнялась и къ убійству, такъ что вліяніе германскаго права тутъ несомнѣнно. Совершенная правда! Слѣдуетъ только добавить, что позднѣйшее византийское право не осталось на точкѣ зрѣнія римскаго права, допустивъ въ извѣстной мѣрѣ принципъ матеріальнаго вознагражденія за причиненное убійство, чѣмъ опять доказывается съ одной стороны германское происхожденіе композицій, а съ другой сила посторонняго вліянія на Византію, и не инфильтраціи только чужеродной крови или чужеродныхъ элементовъ, проникшихъ въ греко-восточное социальное существо, а именно сосѣдняго вліянія ¹⁾. Или напр.

1) См. о законахъ императоровъ Константина Порфиророднаго и Мануила Комнина въ моей книгѣ: «Къ вопросу о западномъ вліяніи на древне-русское право, Ярослав., 1893, стр. 63 и сл. и ср. еще у Цахаріе въ *Ius gr. rom.* III, coll. 5, nov. 26. Эта новелла обращаетъ на себя вниманіе не только своимъ содержаніемъ и въ частности распредѣленіемъ денежнаго взысканія за убійство между казною и родственниками убитаго, но и своими надписаніями. У Цахаріе она озаглавлена: «*Imperatoris Andronici Senioris constitutio synodalis ab Athanasio patriarcha proposita de diversis causis*». Въ греческихъ рукописяхъ, по словамъ Цахаріе, она озаглавляется то какъ *νερὰ* императорская, то какъ *νερὰ* патріарха. У византійцевъ, какъ видно, затемнилось сознаніе того, что *νερὰ*, *novella constitutio*, можетъ быть издана только императоромъ. Что патріархъ подражалъ папѣ, объ этомъ свидѣлствуютъ,

едва ли кто нибудь будетъ въ состояніи установить историческую связь между 22 пр. халкид. соб., которое воспрещаетъ *клирикамъ*, по смерти ихъ епископа, расхищать вещи, ему принадлежавшія, и новеллами византийскихъ императоровъ (Іоанна и Мануила Комниныхъ, Іоанна Дуки Вататци и Андроника Старшаго—у Цахаріе coll. 4 №№ 49 и 65, coll. 5, №№ 3 и 27), которыми воспрещается императорскимъ *чиновникамъ* расхищать имущество умершихъ епископовъ. Запрещаемая императорами практика была просто-на-просто отраженіемъ западно-европейскаго *jus spolii* (см. о немъ Thomassini, *Vetus et nova Ecclesiae disciplina circa beneficia et beneficiarios*, P. III, Venetiis, 1730, lib. II, cap. 51—54 и ср. Walter, *Lehrbuch des Kirchenrechts aller christlichen Confessionen*, Bonn, 1871, § 263). Точно также я рѣшительно склоненъ думать, что *κουράτωρ*, о которомъ говоритъ митрополитъ аѳинскій Михаилъ Акоминатъ конца XII в. (см. О. И. Успенскій, Къ исторіи крестьянскаго землевладѣнія въ Византіи—Ж. М. Н. Пр. 1883, ян.), есть не что иное, какъ западно-европейскій адвокатъ или *фогтъ* (см. о немъ Eichhorn, *Deutsche Staats- und Rechtsgeschichte*, Göttingen, 1843, B. I, §§ 110, 188; B. II, §§ 324 и ср. Richter, *Kirchenrecht*, 8 Auflage, bearb. von Dove u. Kahl, §§ 45, 186—188). Поэтому и новеллу Мануила Комнина (у Цахаріе coll. 4, № 52), которою даруется всему духовенству финансовый иммунитетъ—*πᾶσι τοῖς ὁποῦδήποτε τῶν χωρῶν τῆς Ῥωμανίας ἱερεῦσι καὶ δημοσιακοῖς τελεσταῖς ἐξουσία πάσης δημοσιακῆς ἐπιτρείας καὶ ἀτέλεια τοῦ ζευγολογίου*,—я считаю болѣе основательнымъ связывать исторически не съ древними императорскими законами, освобождавшими духовенство отъ *munera sordida et extraordinaria*, а съ западно-европейскою привилегіею клира—*privil. immunitatis*.

Въ отношеніи къ подсудности дѣлъ церковныхъ, нужно сказать тоже самое. Гренье случайно, и то только относительно Сербіи, замѣтилъ, что церковь здѣсь привлекла къ своему суду дѣла по завѣщаніямъ, наслѣдствамъ и разводамъ (II, 246). Но вѣдь тоже самое было и въ Византіи. И не только означенныя дѣла, а и многія другія входили въ кругъ вѣдомства византийскаго церковнаго суда, въ особенности дѣла о приданомъ въ самыхъ разнообразныхъ конкретныхъ комбинаціяхъ, такіа дѣла какъ о продажѣ недвижимости малолѣтнихъ, даже о восстановленіи насильственно отнятаго владѣнія. Столь широкимъ представляется кругъ вѣдомства церковнаго суда по актамъ константинопольскаго патріархата XIV и XV вв. (первые два тома изд. Миклошича и Мюллера). У насъ еще и теперь нѣкоторые ученые утверждаютъ, что древніе русскіе князья предоставили въ вѣдѣніе церкви многочисленные роды дѣлъ, «взирая въ греческій номоканонъ». Но и у самихъ грековъ практика сложилась вовсе не на основаніи греческаго номоканона, въ которомъ ничего подобнаго нельзя было «узрѣть», какъ это доказывается простымъ

между прочимъ, и такіа учрежденія, какъ константинопольскіе экзокатакилы и экзархи (подобіе римскихъ кардиналовъ и легатовъ).

сопоставленіемъ актовъ Миклошича съ Пеѣра (сборникъ изъ первой половины XI в.), въ которой подсудными свѣтскому суду оказываются даже и дѣла о законности или незаконности браковъ (см. Суворовъ, Объемъ дисциплинарнаго суда и юрисдикціи церкви въ періодъ вселенскихъ соборовъ, Яросл. 1884, стр. 352 и сл.), а въ подражаніе западной практикѣ. Поворотнымъ пунктомъ отъ практики, засвидѣтельствованной въ Пеѣра, къ практикѣ, документированной въ актахъ Миклошича, послужилъ, безъ сомнѣнія, законъ Алексѣя Комнина (у Цахаріе coll. 4, nov. 27), отдававшій τὰ μέντοι ψυχικά ἀπαντα καὶ αὐτὰ δὴ τὰ συνοικεσία въ вѣдѣніе архі-епископовъ и епископовъ; но и самыя эти ψυχικά были подражаніемъ западнымъ *res spirituales*, и подобно тому какъ на западѣ съ *res spirituales* соединены были и такія дѣла, которыя лишь соприкасались съ духовными (*res spiritualibus annexae*—въ томъ числѣ и дѣла о приданомъ), такъ и на востокѣ практика подвела подъ ψυχικά и такія дѣла, которыхъ Алексѣй Комнинъ, можетъ быть, не имѣлъ въ виду, издавая свой законъ. Знакомство Комниныхъ съ западными идеями и порядками не подлежитъ никакому сомнѣнію. Преемникъ Алексѣя Іоаннъ Комнинъ хорошо зналъ даже теорію двухъ мечей. Въ посланіи его къ папѣ Гонорію (1124 — 1130 гг., см. Pitra, *Analecta novissima Spicilegii Solesmensis altera continuatio*, tom. I, Parisiis, 1885, p. 483 — 484), различаются ἡ πνευματικὴ ἐξουσία и ἡ κοσμικὴ καὶ σωματικὴ ἐξουσία и говорится, что сказанное въ Евангеліи верховныхъ апостоломъ о двухъ мечяхъ и Спасителемъ о достаточности этихъ двухъ мечей нѣкоторые относятъ къ двумъ этимъ властямъ (ἐντεῦθεν τινες καὶ τὸ ἐν εὐαγγελίῳ παρὰ τοῦ κορυφαίου τῶν μαθητῶν περὶ τῶν δύο μαχαίρων εἰρημένον, ὡς ἱκανὸς τυγχάνειν ἀντίφη ὁ Σωτήρ, πρὸς τὰς δύο ταύτας ἀρχάς ἐξελάβοντο). А въ позднѣйшее время византийство и латинство настолько переплелись и перепутались между собою, что оказался возможнымъ также такой казусъ: рабыня, убѣжавшая отъ господина въ великую церковь, выдана ему съ взятіемъ отъ него обѣщанія, что онъ не сдѣлаетъ съ нею ничего дурного (не изувѣчитъ, не убьетъ, не продастъ), подъ страхомъ отлученія отъ великой церкви, если онъ окажется православнымъ, или отъ папы, если онъ не окажется таковымъ (*Acta Patriarch. II, № 624, 1401 г.*).

Считаю наконецъ нужнымъ заявить, что клятвѣ 318 св. отцевъ, о которой мнѣ приходилось говорить въ «Слѣдахъ западокатолич. права», стр. 214—215 и въ книгѣ: «Къ вопросу о западномъ вліяніи на древнерусское право», стр. 304, я продолжаю приписывать западное происхождение, хотя частое употребленіе ея въ греческихъ монастырскихъ актахъ, изданныхъ Миклошичемъ, повидимому, говоритъ противъ этого предположенія.

Мало было народовъ—такъ начинается Гренье предисловіе къ своему сочиненію—которые бы столько были осмѣиваемы и презираемы (въ западной литературѣ), какъ византийцы. А заключеніе свое въ концѣ II тома Гренье начинаетъ выраженіемъ увѣренности въ томъ, что изъ его

этуда, посвященнаго исторіи византійской имперіи, съ очевидностью вытекаетъ невозможность присоединиться къ мнѣнію тѣхъ хулителей, которые смотрятъ на эту имперію, какъ на жалкое лохмотье отъ имперіи римской, обязанное своимъ болѣе чѣмъ 1000-лѣтнимъ существованіемъ не то случаю, не то географическому положенію, не то даже благосклонности ея враговъ. Занимая мѣсто разомъ въ Европѣ, Азіи и Африкѣ, т. е. на пути всѣхъ великихъ нашествій, за исключеніемъ нашествій германскихъ народовъ, она выдержала многократныя нападенія, и исторія ея есть одна изъ наиболѣе трагическихъ и наиболѣе оживленныхъ. И если эта имперія, въ теченіе долгаго времени, могла справляться со всѣми нападеніями, для которыхъ она служила пѣлюю, то это зависѣло отъ того, что она, на протяженіи многихъ вѣковъ, составляла собою социальное существо, однородное и имѣющее въ себѣ самомъ принципъ жизни. Если же она въ концѣ концовъ пала подъ ударами своихъ враговъ, то причина этого заключалась въ ея разложеніи, которое было послѣдствіемъ ея социальной эволюціи и просачиванія въ нее чуждой крови.

Этотъ заключительный выводъ едва-ли соотвѣтствуетъ содержанію сочиненія. Та эволюція, которую изобразилъ авторъ, даже и съ принятіемъ во вниманіе инфильтраціи чужеродной крови, не объясняетъ намъ, почему имперія, погибавшая уже въ теченіе второй ея фазы, въ IX в. возродилась въ новомъ блескѣ. А по мнѣнію нѣкоторыхъ историковъ она погибла бы еще до Юстиніана, во время религиозныхъ смутъ, послѣдовавшихъ за халкидонскимъ соборомъ, не будь на императорскомъ престолѣ такого энергичнаго и талантливаго правителя, какъ Анастасій. Эволюція г. Пьера Гренье не объясняетъ намъ и того, почему въ послѣдній періодъ оказались возможными блестящія времена первыхъ Комниныхъ, самочувствіе которыхъ было настолько приподнято, что они мечтали даже о соединеніи востока и запада подъ одною короной, тѣмъ болѣе, что чувство любви къ отечеству уже давнымъ давно исчезло въ византійскомъ народѣ, или даже едва ли когда либо существовало по словамъ Гренье. Что касается эпохи крестовыхъ походовъ, то вышеупомянутый Норденъ въ вышеупомянутомъ его сочиненіи нашелъ достойнымъ замѣчанія, что греческая имперія, въ минуты величайшей для нея опасности, всегда находила спасителя на западѣ, особенно при Карлѣ анжуйскомъ который съ разныхъ сторонъ встрѣчалъ помѣхи осуществленію своего завоевательнаго плана: то послѣдній отпрыскъ дома Гогенштауфеновъ — Конрадинъ отвлекъ вниманіе анжуйскаго отъ Византіи, то король Людовикъ святой сдерживалъ занесенную надъ Византію руку своего брата Карла анжуйскаго, то папа мѣшалъ анжуйцу, а когда послѣднему удалось провести на папскій престолъ Мартина IV—свое безвольное орудіе, разразились сипилійскія вечерни. Да и самые крестовые походы, разлагающее дѣйствіе которыхъ на Византію несомнѣнно, принесли ей ту, несомнѣнную же, пользу, что на долгое время задержали натискъ турокъ на восточную имперію. Неудивительно поэтому, что есть люди, которые про-

должительное существованіе византійской имперіи до половины XV в. считаютъ дѣломъ случая. А найдутся, безъ сомнѣнія, и такіе, которые усмотрятъ въ этомъ руку Промысла.

Не смотря, однако, на неудовлетворительность общей конструкціи эволюціи и на детальныя недостатки, сочиненіе г. Пьера Гренье уже потому представляетъ собою замѣтное явленіе византологической литературы, особенно съ русской точки зрѣнія, что у насъ пока невозможно появленіе подобныхъ сочиненій, требующихъ отъ автора самыхъ разнообразныхъ и разностороннихъ знаній въ области византійской исторіи, дающихъ возможность обнять однимъ общимъ взглядомъ все прошедшее Византіи.

Н. Суворовъ.

19 сентября 1904 г.

E. Gerland. *Neue Quellen zur Geschichte des lateinischen Erzbistums Patras.* Leipzig 1903, B. G. Teubner, SS. 292—+1 карта, 8°.

Въ сѣверной части Спарты, на морскомъ берегу, при входѣ въ Коринескій заливъ стоитъ греческій городъ *Пѣтрахи*, извѣстный уже въ древнее, классическое время. Епископы Патрскіе (или Старо-Патрскіе) упоминаются уже въ I вѣкѣ. Съ VIII — IX вѣка имѣется списокъ митрополитовъ (Аванасій 784—806?, Θεοδωρὸς Σανταβαρινὸς 865—879, Σαῶν 879—?, Ἀνδρῆς 895—920? и пр., кончая Μελετίємъ II, 1832—1833).

Патры пережили бурную и сложную исторію. Какъ греческій и византійскій городъ, онѣ сохраняли свой строй до начала XIII вѣка. По занятіи Цареграда латинянами и съ усиленіемъ латинскаго вліянія въ Византійской имперіи Патры до половины XIII в. сдѣлались бароніею Ахайскаго княжества. Рядомъ съ греческими митрополитами появляются здѣсь до половины XV вѣка латинскіе архіепископы (Антельмъ, Бернардъ и т. д.); вмѣстѣ съ латинскимъ вліяніемъ въ странѣ распространяется феодализмъ. Получивъ самостоятельность въ XIV в., Патры затѣмъ были заняты венеціанцами и оставались за ними до 1430 г., когда опять получили самостоятельность. Въ 1463 г. городъ подпалъ подъ власть турокъ, и турецкое господство положило конецъ латинскому архіепiscopству въ Патрахъ. Въ XVI и XVII вв. городомъ владѣли снова венеціанцы. Въ 1770 г., въ эпоху греческаго возстанія, во главѣ Патръ стоялъ архіепископъ. Любопытно, что и возстаніе 1821 года прежде всего было провозглашено съ церковной каѳедры г. Патръ. Православіе здѣсь никогда не прерывалось, съ 1833 г. митрополиты Старо-Патрскіе именовались епископами Ахайскими, а съ 1852 г. доселѣ носятъ титулъ архіепископовъ Патрскихъ и Илійскихъ.

Прекрасная книга Э. Герланда, обязанная своимъ появленіемъ Шенгаузенскому фонду князя Герберта Бисмарка, на средства котораго этотъ ученый совершалъ неоднократныя поѣздки въ Ахайю, заключаетъ